Благие пожелания

Автор:
Александр Лапин

Благие пожелания

Александр Лапин

Русский крест #3

Роман «Русский крест» – «сага о поколении», охватывающая масштабный период конца XX – начала XXI века, в которой раскрываются перипетии и повороты судеб четырех школьных друзей. «Русский крест» состоит из пяти книг Впервые с главными героями романа автор знакомит читателя в книге «Утерянный рай» – лирическом повествовании о школьной юности. Второй роман саги – «Непуганое поколение» – о взрослении, счастливых годах студенчества, службе в армии, первых непростых решениях и ответственности за них.

В третьей книге – «Благие пожелания» внутреннее становление героев происходит на фоне исторических событий, участниками или свидетелями которых они становятся: националистические выступления в союзных республиках, война в Афганистане, землетрясение в Спитаке… «У каждого своя правда» – так называется одна из частей романа. И действительно, каждый из героев будет отстаивать свою правду: у журналиста она одна, у националиста другая, у сотрудника КГБ – третья, а четвертый ищет ее в единении с природой. Каждый из них руководствуется самыми благими пожеланиями, но искренность помыслов, как известно, не всегда является гарантией достижения задуманного результата.

Александр Лапин

Благие пожелания

«Благие пожелания» – третья книга романа «Русский крест», задуманного как летопись моего поколения, которому довелось жить буквально на сломе эпох. Мы не выбирали время, оно выбрало нас, сделав участниками и свидетелями больших событий. В романе я пытаюсь осмыслить не столько прожитые годы (это произведение нельзя назвать автобиографическим), сколько те явления, которые повлияли на мою судьбу и судьбу близких мне людей.

В третьей книге повзрослевшие герои определяются со своей жизненной позицией, точкой зрения на происходящие в стране события. Каждый выберет свой путы кто-то ринется в бой отстаивать свою правду, будут и те, кто предпочтет занять позицию наблюдателя. Жизнь разведет друзей по разные стороны баррикад.

Каждая книга романа «Русский крест» – новый этап в жизни не только главных героев, но и в судьбе страны: война в Афганистане и националистические войны в бывших союзных республиках, землетрясение в Спитаке и сотрясение устоев общества… Каждому из нас, кто прошел этот путь, пришлось многое испытать, защищать свои семьи, убеждения, находить свое место в новой картине мира. Нам всем есть что рассказать и чем поделиться!

Тешу себя надеждой, что раз вы держите в руках эту книгу, первые два тома романа – «Утерянный рай» и «Непуганое поколение» – вызвали у вас интерес. Давайте вместе продолжим путь по страницам недавней истории!

Александр Лапин

Часть I

Горький урок

I

Иисус вошел в храм. И тихо присел на скамеечке. Народу тьма. Вот сидят они напротив него – пастухи, рыбаки, менялы, торговцы. Внимательные, насмешливые, робкие, хитрые глаза, но всех он видит насквозь. Сегодня он расскажет им о царствии отца своего, о царствии небесном.

Но чу! У входа какая-то замятня. Раздается шум и гам. Это книжники и фарисеи. А с ними какая-то женщина. Растрепанная. И растерянная.

Они ставят ее, босую, посреди народа. И начинают говорить, обличая:

– Учитель! Эта женщина поймана нами в момент, когда прелюбодействовала с чужим мужем. Моисей в своем законе указал нам, что таких надо побивать камнями. До смерти их. А ты что нам скажешь?

Мгновение он вглядывается в их лица. И читает их якобы хитрые мысли: «Вот мы и поставили тебя в безвыходное положение. Скажешь: "Поступите по Моисееву закону", – нарушишь римский. Откажешься от заповедей отцов – мы обвиним тебя в ереси. Ну как?»

Он же, наклонившись низко над землею, чертит пальцем какие-то знаки. И молчит.

«Милые вы мои дурачки!» – думает он.

Молчание Иисуса раззадоривает обвинителей. И они, нагло глядя на него, продолжают наседать, много раз повторяя свой вопрос.

Наконец он поднимает голову и, посмотрев на них, нетерпеливых, произносит:

– Кто из вас без греха? Первым брось в нее камень!

И все.

Они замолкли. Опустили дерзкие руки. И глаза. Видно, вспомнили. И может быть, впервые за много лет почувствовали стыд.

Тихо-тихо они начали расходиться из храма.

Иисус и женщина остались в одиночестве.

Он спрашивает:

– Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?

– Никто, Господи!

– Иди с миром. И я не осуждаю тебя. Только впредь не греши…

Не судите, да не судимы будете! Вы!

II

Зима. Прежде чем выйти на улицу, Александр Дубравин по привычке выглядывает в окно.

Унылое декабрьское утро. Горы скрыты за облаками. Кто-то невидимый в небе ощипывает снежную курицу, рассыпает на темную землю белый пух и перья.

Алма-Ата еще в полудреме. Серый, тяжелый, нависший над городом прямоугольный куб здания Центрального комитета тих и покоен. Ни огонька в окнах. Ни движения в длинных коридорах. Замерзли и замерли в ожидании весны фонтаны и каскады. Присыпаны белым пухом парковые вечнозеленые туи, сосны, ели. Застыл уродливый коричневый нарост огромной, непропорционально большой для площади перед зданием ЦК гранитной трибуны. Под нею на сером асфальте переминается озябшая толпа. В воздухе, дергаясь, движутся несколько лозунгов, торопливо написанных на синей ткани: «Ни одной нации, ни одной привилегии! Каждому народу – своего вождя!»

Он переводит взгляд вниз. Его молочно-белая «Волга ГАЗ-3102» со специальными правительственными номерами «0008 АА» уже стоит на аллее у подъезда. Водитель – крепыш Сашка Демурин – молча курит рядом, пряча сигарету от ветра в ладони. Он в недоумении поглядывает издалека на толпу, гужующуюся на площади…

Вперед на улицу. Говорит шоферу вместо «здравствуй»:

– Давай подъедем поближе!

«Волга» мягко трогается с места и мимо заснеженных деревьев, укрытых от непогоды розовых кустов плавно движется вверх по аллее. Теперь в приблизившейся толпе, состоящей сплошь из казахской молодежи, видны еще какие-то лозунги на казахском, пятна портретов Ленина, Кунаева.

– Остановись! – приказывает он Сашке на краю площади.

Выходит из машины. Сколько же их тут? Ну, человек, наверное, двести-триста. А чего хотят? Чего стоят-то?

Подходит поближе. Видит какое-то броуновское движение – толпа, словно вода в котелке, бурлит на месте, выбрасывая из себя, как пузырьки, отдельных людей, которые, постояв минуту рядом, снова ныряют вглубь серой людской массы.

Дубравин топчется на жидком снегу. Потом все-таки решает подойти к демонстрантам. Толпа состоит сплошь из молодых парней так называемого аульного вида. Но он пересиливает неприязнь. И, подойдя к краю, спрашивает одетого в спортивную красную куртку плосколицего парня с иссиня-черной челкой, нависшей из-под лыжной шапочки на глаза:

– А что это за демонстрация?

– Вчера Кунаева сняли на пленуме! Какого-то Калбина прислали в республику, – словно ища у него сочувствия, произносит студент. – Вот мы и вышли. Потому что против этого. Мы за ленинские принципы национальные…

Он не спорит. «Ишь ты, как заворачивают, – думает Дубравин, – выучились марксизму. Вульгарному». Потому что видит: дискуссия бессмысленна.

Он быстро возвращается к машине. Плюхается на кожаное сиденье и говорит водителю:

– Давай обратно домой! Срочно!

Вихрем взлетает по лестнице. Заскакивает в свой кабинет. И кидается к телефону. Торопливо стрекочет под пальцами вращающийся диск. Первый звонок в редакцию…

Но трехчасовая разница во времени между Алма-Атой и Москвой дает о себе знать длинными гудками. Там никто не отвечает. Ни в отделе пропаганды, ни в секретариате, ни в приемной главного. Никого нет. В общем, «тишина и покой в этом парке густом…»

«Ладно, поеду пока займусь текущим заданием…»

* * *

Через пару часов, нарезав несколько кругов по городу, он той же дорогой возвращается домой. Великое стояние на новой площади продолжается. Толпа расползается, разливается по белому свежему снегу грязной чернильной кляксой.

– Ни фига себе! – присвистывает Александр при виде того, как за это время выросла манифестация. Их тут уже тысячи. И оцепление появилось.

Острым профессиональным взглядом он всматривается в толпу, которая, как отара овец, грудится за вожаками. Подходят все новые и новые группы молодежи. Они останавливаются перед оцеплением, потом бьются, толкаются о милицейскую цепь, прорываются к своим.

На площади их ждут. Радостно вскидывают руки в объятиях. «Торжество свободы и демократии» так и прёт.

Он постоял еще, разглядывая, анализируя состав толпы. Большинство в ней составляли студенты, ребята, недавно приехавшие из аилов. Обитатели общаг и квартиранты бедных частных домишек, они отличаются и внешним видом, и одеждой от так называемых цивильных городских казахов.

В последнее десятилетие в Алма-Ату буквально хлынула молодежь с юга республики. Это вызывало раздражение у горожан, так как пришельцы привозили с собой свои обычаи, привычки, стереотипы поведения. Их появление в подъезде городского многоэтажного дома можно было отследить по несомненным признакам: многочисленным гостям и родственникам, густому запаху вареной конины, мусору, брошенному прямо в подъезде.

А теперь они вышли на площадь со своими требованиями. И как на это реагировать?

* * *

…Наконец редакция ответила на его призыв. Трубку подняли в стенбюро. Старшая стенографистка тетя Катя, добродушно ворча, спросила:

– Что в такую рань-то звонишь? Все еще чай пьют в буфете редколлегии.

– Да у нас тут такая заваруха началась после вчерашнего решения Москвы. Ещё бы! Сменить Кунаева.

Молодняк на площадь вышел. Что-то будет. Связывайте меня с кем-нибудь!

Через пару минут ответил отдел пропаганды.

– Здорово! Ну что там у тебя приключилось? – спросил референт отдела.

Дубравин, тщательно подбирая слова, обрисовал обстановку.

– Да ты что? Правда? Это ж первополосная сенсация. Первое национальное выступление в стране. Сейчас я позову редактора отдела.

Какая-то возня. Стук в трубке. И взволнованный, по-восточному распевный голос Рафика Хусейнова:

– Саша! Я сейчас на планерке доложу о твоих делах! Будем решать. Не отходи от телефона. Жди! Впрочем, погоди минуточку. Я тебя свяжу с главным. Тетя Катя, дайте главного. Тут такие дела!

Через минуту густой бас главного редактора:

– Ну как там у тебя, Александр?

У Дубравина екнуло под сердцем. Как же, сам главный соизволил с ним говорить. Надо не ударить лицом в грязь.

Старательно, но коротко доложил обстановку.

– На площади собралась казахская молодежь. Выступают супротив решения партии о назначении первым секретарем Колбина…

– Ясно! – протянул голос на том конце провода. – Собирай материал, наблюдай. Шли сообщения. Я сейчас свяжусь с ЦК. Будем решать. А ты, Александр, готовь заметку.

В «Молодежной газете» любой написанный журналистом текст – шла ли речь об огромной статье на полосу или о малюсенькой информации – все называлось коротким словом «заметка». Поэтому Дубравин об объемах переспрашивать постеснялся, но для себя решил: «На полную катушку буду готовить. Мой шанс прозвучать. И я его не упущу».

Он знал, что такие забойные вещи на страницах газет всегда согласовывались с отделом пропаганды ЦК партии. И хотя была объявлена гласность, практика эта не исчезла. Да и редакторы стремились «соломки подстелить». Но он надеялся, что такая тема пройдет. И пусть изрезанный, выправленный, искалеченный, но материал его попадет не в корзину, а на полосу.

Как известно, надежды юношей питают.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как студента-журналиста Александра Дубравина «разбирали по частям на комсомольском шабаше» по наущению «комитета глубокого бурения». Для гэбистов его история и его судьба были так, пустячком. Обычной профилактической работой. Небольшой операцией. Для Дубравина же это был переломный момент. Его не исключили со скандалом из университета. Не посадили. Всего-то объявили выговорешник по комсомольской линии. Но напуганная администрация и «общественность» принялись методично и целенаправленно выживать его из универа. Для начала лишили смутьяна общежития. Стукачка комендантша однажды обнаружила в их комнате сломанный стул. И написала по этому поводу рапорт в деканат. Холуи подсуетились. И мстительный Конжакеев лишил его койкоместа.

Ладно, переживем.

Потом он, отличник, никак не мог сдать зачет по марксистско-ленинской этике. Получите хвост со всеми вытекающими последствиями: отсутствием стипендии и перспективой отстать от курса.

Дубравин – парень понятливый. Он собрался с духом. Поразмышлял. И подал заявление с просьбой о переводе на заочное отделение. Затем собрал свои студенческие публикации и подался устраиваться на работу в молодежную газету «Ленинская Смена». Там его публикации внимательно прочитали. Долго хвалили. И заведующий рабочим отделом, лохматый и небритый заика поэт Василий Дмитроцкий, дал ему задание написать о соцсоревновании.

По этому заданию он сходил на авторемонтный завод в так называемую комсомольско-молодежную бригаду. Долго разговаривал со всеми. Слушал разные небылицы. Пока, наконец, бригадир этой самой молодежной не ляпнул в сердцах:

– Да нет тут у нас никакого соревнования. Просто работаем, как умеем!

Вооружившись этим признанием, Дубравин соорудил крепкую, забойную, критическую статью. И радостно помчался в редакцию. Но там повели себя как-то странно. Статью оставили у себя. Долго мурыжили. А потом сообщили ему, что она не подошла. А ставка спецкора, на которую он рассчитывал, уже занята.

Дубравин не отчаялся. Руки в ноги – пошел в другое издание. Потом в третье… Но странное дело. Его не взяли на работу даже в детскую газетку «Дружные ребята».

Местов не находилось.

Тогда он прошвырнулся по ведомственным журналам. Побывал в «Народном хозяйстве Казахстана», «Сельском…», «Здравоохранении»… Добрался даже до журнала кино «Жана фильм» – «Новый фильм». Обошел многотиражки… И ничего.

Только со второй попытки ему неожиданно улыбнулась удача. В журнале «Транспорт Казахстана». Главный редактор, тощий, беленький, седенький старичок, внимательно посмотрев публикации, предложил ему для начала полставки корреспондента технического отдела.

На другой день Александр Дубравин, приодевшись как можно официальнее – черный низ, белый верх, – вышел на работу в Министерство транспорта.

Большое, но безликое и казенное здание министерства было построено в тридцатые годы. И чтобы осовременить его облик, придать ему респектабельности и помпезности, в семидесятые к фасаду приделали выдвинутую вперед украшенную серыми мраморными колоннами пристройку. Получилось в общем и целом терпимо. Вот в этой-то пристройке на третьем этаже в трех разноразмерных комнатах и располагалась редакция. В первом кабинетике, заставленном огромным столом, вокруг которого расположились полированные рыжие шкафы, в старом, застеленном овечьей шкурой креслице сидел сам редактор.

Василий Яковлевич Акимов относился к руководителям прежней закваски. Как говорили в старину: «Слуга царю, отец солдатам».

Семнадцатилетним мальчишкой он участвовал в большой мировой войне. И это навсегда наложило отпечаток на его характер. Работать журналистом начал в районной газете во время освоения целины. А потом приехал в Алма-Ату. И последнюю десятку сидел здесь в техническом журнале.

Возраст Василия Яковлевича уже пенсионный. Но министерство его держит. Потому что он некий раритет, достопримечательность: полный кавалер орденов Славы, участник Парада Победы в сорок пятом.

Когда он на праздники надевал свой серенький пиджачок, тяжело нагруженный орденами и медалями, то каждый встречный понимал – идет живая история страны…

Ну а журналом полностью занимался его молодой заместитель. Слава Рыбников, амбициозный, тощий, остроносый, очкастый тип с тяжелым и въедливым характером. Карьерист до мозга костей. Но в хорошем смысле этого слова. Чтобы стать главным, он пахал сам и заставлял работать других.

В третьей, большой общей комнате сидели все остальные сотрудники. Типажи еще те! Отделом перевозок заправлял бывший комсомольский функционер Мишка Куделев. Важный, импозантный, всегда в костюмчике, он считал, что достоин большего. И поэтому постоянно подчеркивал, что тут он временно. На пересидке. В отделе у него пара бесталанных пьяниц. Вечно взлохмаченный, красномордый, белобрысый Володя Пьянков. И еще Ваня Изжогин, фамилия вполне соответствует человеку.

Отделом ремонта заведовал некто Туманов. Человек бесталанный, желчный, морщинистый, выбившийся из таксистов в журналисты. И считавший должность редактора технического отдела верхом карьеры.

Вот под его начало в это, как показалось Дубравину, болото он и попал. «Осталось только заквакать!» – подумал Александр, когда его усадили в самом дальнем уголке большой, заставленной столами комнаты. Но делать нечего. Тем более что пять минут тому назад Акимов прозрачно намекнул ему на причины всех отказов в других редакциях:

– Ты, Сашка, парень молодой! Только начинаешь жить. Держи язык за зубами. Раньше на фронте за нами приглядывал Смерш, но и теперь есть кому приглядывать.

Уже через пару дней он понял, что тиной ему тут обрасти не дадут. В редакции шла борьба. И причиной этой борьбы был Славка Рыбников. Не зря пенсионер Акимов поставил его у руля. Вместо того чтобы сидеть тихо, ковырять в носу и

ждать ухода редактора на пенсию, Рыбников развернул бурную деятельность. Решил сделать из серого провинциального журнала конфетку.

Часто, грозно сверкая очками на остром носу, Рыбников говорил: «Неважно, где ты работаешь. В центральной партийной газете или в маленьком техническом журнале. Надо быть профессионалом! Надо быть лучшим!»

Конечно, старые зубры, давно потерявшие зубы, хотели другого. Тихо доживать в своем болоте, писать всякую абракадабру, халтурить налево и продолжать пьянствовать. Такие, как Изжогин, выработались до того, что брали старые заметки, статьи и переписывали их, вставляя только новые имена и названия предприятий. Подобного рода «творчество» вообще процветало в советской журналистике эпохи застоя. Но в ведомственных изданиях оно разрасталось особенно буйным цветом.

Опытные товарищи на первой же пьянке сразу предложили Александру последовать их примеру: начихать на все потуги зама и присоединиться к их теплой компании. Но Дубравин не нашел с ними общего языка. Не из того теста был сделан этот широкоплечий, здоровенный парень с высоченным лбом и глубоко посаженными внимательными карими глазами, чтобы просто протирать штаны. Он хотел дела.

Философия Рыбникова оказалась ему ближе. Можно сказать, они спелись.

Начали с самого простого. Решили изменить облик журнала. Пригласили молодую выпускницу художественного училища. И давай экспериментировать. Сначала с обложкой. Потом внутри издания. Пересмотрели рубрики. Уменьшили количество всяких технических описаний. Разделили журнал на две части. Ведомственную – с унылыми обязательными статьями. И для любителей. С описаниями новых моделей автомобилей, заграничных штучек, путешествий.

За красивыми слайдами ездили в Москву, покупали их в картотеке агентства печати «Новости». Многое брали из переводных европейских изданий.

И уже через год – невиданное дело – Акимов назначил Дубравина ответственным секретарем. Третьим человеком в редакции. Прямо из корреспондентов. То есть его, по возрасту почти мальчишку, без связей и опыта, поставил над битыми журналюгами и редакторами отделов.

Конечно, заставить работать по-новому халтурщика Пьянкова или бесталанного Туманова было невозможно. Но долгая, нудная борьба за каждое слово, за каждую статью заставляла и их подтягиваться. А, кроме того, Рыбников правильно рассчитывал на Дубравина, разглядел в парне талант, умение найти нужное слово, правильно передать смысл самого занудного технического текста. И Александр оправдывал его надежды.

Дубравин доводил до ума, практически полностью переписывая тексты, которые сдавались ему из отделов.

Он сидел в своем крошечном кабинете за массивным, занимающим почти все его пространство столом. И стол для него был тем же, чем в старину для каторжника тачка. По двенадцать часов в день возился он здесь с планами, макетами, верстками, текстами. Чуть шевеля губами и почесывая кончиком ручки в моменты поиска нужных слов крутой высокий лоб, правил и переписывал все.

Славка Рыбников метил и в ЦК. Но так как у него не было родственных связей и блата, то приходилось вкалывать. Кроме журнала он постоянно занимался аналитической работой для партийных органов. Позвонят из ЦК главному редактору. И говорят: «Нужен толковый грамотный журналист на несколько дней». Отказать нельзя. И он отправляет своего зама.

В отделе пропаганды его встречают как родного. Ведут в библиотеку. Дают там стол, стул. И огромную пыльную подшивку какой-нибудь районной газеты «Новый путь». Он читает ее. Делает анализ газетных публикаций. Что хорошо. А что плохо. Пишет отчет. Сдает его инструктору.

Тот из десятка таких отчетов выбирает факты. Делает свою записку. Она идет наверх. Заведующему сектором. И так далее…

А на пленуме секретарь по идеологии озвучивает в своем докладе факты, которые накопал какой-нибудь безвестный привлеченный журналист.

Ходить на такие поручения из редакций не любили. А вот Рыбников обожал. Зная все номенклатурные тонкости продвижения людей по карьерной лестнице, он понимал, что без поддержки в ЦК компартии никакой высокой должности ему не

занять. И добился своего. Его взяли в отдел пропаганды инструктором.

Ну а молодой да ранний Дубравин стал заместителем. В общем, такой карьерой можно гордиться. И он гордился явно. Но втайне мечтал о другом. Хотел стать корреспондентом центральной газеты. Более того, он твердо знал, что рано или поздно это случится. Как? Непонятно. Почему? Тоже непонятно. Тем более что при приеме на работу Акимов объяснил, почему его не взяли в другие редакции.

Какая уж тут центральная молодежная газета! Сиди тихо. Не рыпайся.

Но он верил.

А в стране тем временем началось шевеление. К власти пришел «Мишка меченый». Были объявлены перестройка, гласность, права человека и прочие ласкающие слух вещи.

Дубравин никуда не рыпался. Вкалывал от души и ждал.

И вот однажды его ни на чем реальном не основанная мечта начала сбываться. Из центрального комитета позвонил Славка Рыбников и сообщил новость:

– Знаешь, старик! Тут у нас в гостях заведующий корреспондентской сетью центральной молодежной газеты из Москвы. Они ищут собственного корреспондента на Казахстан. А найти в редакциях не могут. И уже давно. Вот он и зашел к нам в отдел пропаганды. Чтобы поспрашивать о молодых. Я назвал твою кандидатуру!

«Есть! – мелькнуло в голове у Дубравина. – Это случай, который поменяет всю мою жизнь. Дождался!»

* * *

Вечером после работы, купив для разговора золотисто-коричневую бутылку четырехзвездочного «Арарата», Дубравин появился в закрытой гостинице центрального комитета. Гостиница называлась «Достык», что в переводе с казахского на русский значит «Дружба». И оказалась шикарной. Паркет, черные дубовые двери, чешские люстры, солидные кожаные диваны, импортная

сантехника, вышколенная обслуга. Здесь останавливались исключительно партийные бонзы. А заведующий корреспондентской сетью центральной молодежной газеты оказался простым и понятным мужиком. Щуплый, невысокого роста, с морщинистым, побитым оспой лицом и светло-голубыми, все понимающими глазами.

Он никак не вписывался в интерьер элитной, партийной гостиницы.

Увидев его, Дубравин, доселе сомневавшийся, облегченно вздохнул: «Правильно я сделал, что взял коньячок».

Они немедленно уговорили бутылочку. А через неделю Дубравина уже вызвали в Москву.

Условия оказались простыми. Надо было доказать, что он способен работать на высоком уровне. И для этого написать пару «гвоздей» – статей, которые вызовут резонанс. Тему предлагали любую.

Дубравин взял письмо из текущей редакционной почты. И поехал в северный город Великий Устюг в речное училище, где процветала дедовщина. Там ему пришлось поработать, можно сказать, следователем, выбивая из курсантов правду. Но отступать уже некуда. И заметку он сделал. Конечно, ее долго правили и кромсали в отделах и секретариате. Но, в конце концов, она вышла в свет.

И однажды утром на экране телевизора Дубравин увидел багрово-толстого генерала, который, размахивая газетой с его статьей, вещал:

– А вот у нас в армии такого нет!

Это был резонанс. И сладкий вкус славы первооткрывателя темы. Ему захотелось еще. Работая в своем техническом журнале, он знал такое, чего обычные журналисты не ведали. И рискнул «вынести сор из избы». Рассказал, как миллионами расхищается выручка в автобусах дальнего следования. Так сказать, «вскрыл механизм».

Скандал разгорелся еще тот! Все министерство гудело, как улей.

Так он попал во всесоюзную молодежную газету. Собственным корреспондентом.

Тому минуло два месяца.

Но попасть – это полдела. Надо проявить себя. Доказать, что ты не зря занимаешь пространство под солнцем.

А доказывать приходилось в ежедневной конкурентной борьбе за место на полосе. Полос всего четыре. А желающих напечататься – сотня.

Никогда еще Дубравин не вкалывал так, как сейчас. Журнальная каторга сменилась «соляными копями» и «урановыми рудниками», где, по меткому выражению известного поэта, «в грамм добыча, в годы труды». Приходилось ломать себя, биться над каждым абзацем, над каждым словом, чтобы выйти на новый уровень письма. Стать мастером.

Правили его беспощадно. В молодежную газету со всего Союза собирали самых амбициозных, самых лучших. А они не стеснялись, давая новичкам оценки.

Он за это время уже успел съездить по тропе наркоманов в Чуйскую долину, поучаствовать в съезде местного комсомола, написать очерк о детском доме, статью о погибшем в степи чабане-подростке.

Но это была текучка. А хотелось прозвучать. И конечно, увидев утренний митинг, он сразу профессионально зацепился: «Тема или не тема для публикации».

Идет второй год перестройки. Отшумели многие почины: «Экономика должна быть экономной», «Ускорение», «Борьба с пьянством и алкоголизмом». Теперь вот наступила пора «Гласности». Но гласность тоже имеет свои границы. И по сей день редакторы все еще оглядываются на власть. В издательствах сидят цензоры. И правят то, что считают нужным.

В общем, обретение правды не происходит в один момент. Это процесс. Как для пишущих, так и для читающих. Напишет корреспондент статью, вскрывающую какую-нибудь очередную мерзость. И ждет. Дадут по башке? Или нет? Если не дали, значит, можно копать дальше. Дубравин понял это по своей первой

публикации о дедовщине.

Тогда не дали. И теперь он рвался в бой. Но рискнет ли редакция поднимать такую тему, как эта? Неожиданное национальное выступление казахской молодежи на площади.

* * *

Сейчас, окрыленный разговором с редактором, он сел к столу и взялся записывать свои наблюдения в дневник событий:

«Семнадцатое декабря. 1986 год. Мне трудно оценить численность демонстрантов, но, на мой взгляд, на первом этапе их было всего ничего. Может, человек с триста. Но постепенно днем стали подходить все новые и новые. Встретил там Казакова. Он под видом фотокорреспондента вел фотосъемку демонстрантов. Со мной поздоровался так, по-быстрому. И сразу отошел. Сколько же их тут сейчас, сотрудников в штатском? Наверняка до хрена. А вообще, нагнали милицию, войска.

В 11.30 демонстранты организованно покинули площадь. Через пару часов вернулись. Войска оцепили ее. И стали блокировать. То есть никого не впускать и не выпускать. И тут начались стычки. Сначала по улице Мира, со стороны КазГУграда вошла “с боем” большая колонна. С тысячу человек. С красным и белым флагами. Они скандировали: «Ауельбеков! Назарбаев!»

Из разговоров вокруг да около стало понятно, чего они хотят, чтобы убрали Колбина и поставили своего местного!»

III

Пока жив человек, он помнит все. Если не наяву, то во сне. Справедливость этой истины Амантай Турекулов познавал теперь каждую ночь.

Мирно сопит рядом на широченной деревянной кровати беременная жена Айгерим. Тихо капает на кухне из крана вода. Все дышит покоем и благоденствием в элитном номенклатурном районе в центре Алма-Аты. И только он вскидывается и крутится в горячечном, бредовом сне. Ах, какой же это сон! В разном обличье – то восточной красавицы, то рыжей девчонки-подростка – приходит к нему она. Его первая любовь.

И как бы она ни выглядела во сне, он твердо знает – это Альфия.

Поцелуй. И еще поцелуй. Какая-то невыразимая радость разливается в груди. Счастье! Счастье! Полет! Душа заходится от радости.

И горечь пробуждения. Где я? Зачем все это? Как получилось, что ее больше нет? А есть рядом вот эта женщина. Красивая. Холеная. Дебелая. И холодная, как лед.

Эх, все зря!

Он открывает глаза. Пять утра. Снова бессонница: «Что час грядущий нам готовит? Выйдут или нет?» Весь вчерашний короткий световой день прошел у них в обкоме в шепоте и разговорах. Никто не работал. Обсуждали только новость о преемнике Димаш Ахмедовича. О Колбине. Впрочем, не все обсуждали. Он вечером побывал в двух общежитиях, где гудели студенты. А его верный Ербол мотался по ним почти до двух часов ночи.

И где он теперь? На площади? Дома?

Амантай Турекулов, заведующий орготделом обкома комсомола, поднялся с кровати и прямо в синих плавках побрел на большую кухню. Сделал себе черного чая, достал свой доклад на пленуме. И, прихлебывая горечь, принялся внимательно читать его. Резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть: «Началось!»

В трубке какое-то сопение. Потом скрежет. Возня. И взволнованный голос Ербола, говорящего почему-то на казахском:

– Абеке! Вышли наши! Человек триста!

Он вскочил со стула. И начал лихорадочно одеваться. Потом остановился. Присел на стул. Дело сделано! Толчок дан. Не надо спешить. Теперь просто ждать, куда кривая вывезет.

Вспомнил вчерашний хитрый разговор с дядей Маратом. Намеками и полунамеками осторожный, дипломатичный дядя постарался объяснить ему сложность политической ситуации. И как предположение высказал мысль о том, «что вот если бы незрелая молодежь, не понимающая истинного смысла решения Политбюро, вышла с протестами, то может быть… Все может быть…» Долгие годы, проведенные в номенклатуре, научили Амантая хорошо понимать «тонкий смысл намеков на толстые обстоятельства».

Он дождался, пока солнечный свет окончательно развеет декабрьскую, хватающую за душу, гнетущую предутреннюю темноту. Чмокает в щеку лежащую на измятой постели ленивую жену. И выходит из подъезда на мороз, где уже ждет его черная «Волга».

* * *

В отличие от всех тех жителей столицы, кто, проснувшись ранним декабрьским утром, с недоумением пялится из окон на новые лозунги и призывы, Амантай Турекулов понимает, о чем идет речь. Годы интриг и номенклатурной борьбы не прошли для него даром. Давно уже он знает тайную подоплеку многих неожиданных для всех и ожидаемых для казахской элиты событий. Вспомнить хотя бы недавний марш ветеранов на Алма-Ату.

Когда наверху, в Кремле, уже совсем было решили создать в Казахстане автономную область для немцев, когда уже подобрали руководство, поделили должности, вдруг вспыхнуло недовольство среди казахских ветеранов труда и войны. На стихийных митингах и сходах орденоносцы, заслуженные люди, дедушки и бабушки выступали с лозунгом: «За единый и неделимый Казахстан!» Старики грозились пойти маршем на столицу.

«Глас народа – глас божий». Пришлось кремлевским старцам уступить. Автономии не получилось.

Амантай уже тогда хорошо знал, откуда у этой кампании росли ноги. Ведь он был любимым племянником большого партийного бонзы.

Да и сам он сегодня кое-что из себя представляет. Заведующий орготделом алма-атинского обкома комсомола – фигура знаковая. Кадровые дела и аппаратные интриги без него не обходятся. Но дело не только в должности. Он уже врос в элиту. Стал своим на этом празднике жизни.

Сумел он найти общий язык и с низовыми комсомольскими функционерами. Понял: «С волками жить – по-волчьи выть».

Непросто давалась эта наука. По сей день он с юмором вспоминает, как ездил на Аральское море в командировку.

…Бешбармак на огромном блюде был знатный. Жирный, вкусный, дымящийся. Видно, из молодого свежего барашка. Слюнки у всех так и потекли. Сели. Выпили по сто грамм огненной воды…

Напрасно Амантай искал ложку или вилку. «Бешбармак» в переводе с казахского на русский означает «пять пальцев». Хозяева, оправдывая этот перевод, закатали рукава рубашек до локтей. И начали мощно метать, запуская руки в гору мяса и теста.

Амантай, как увидел, чуть не поперхнулся. Но удержался.

А вот когда секретарь райкома, высунув багровый язык, принялся облизывать от локтя к запястью текущий по рукам жир, его едва не вырвало. И он, прикрыв глаза, с минуту молча сидел за столом. Пока не притерпелся. А уж когда вмазали по второй и по третьей, то совсем освоился и даже сам попробовал есть как все…

Свой. В отличие от многих городских молодых казахов язык родной знает. Народа не чуждается. А бывало, на тое или вечеринке возьмет заведующий отделом домбру. И начнет тянуть уныло: «Орден дай! Орден дай! Орден – нету, медал дай!» Тогда Амантай подойдет потихонечку, попросит у него домбру. И как врежет. Искрометно, весело, с шутками, прибаутками. Ну настоящий акын. Хоть в айтысе участвуй.

Такой вот он, заворг Амантай Турекулов. Не кичится своим особым положением. Хотя все понимают, чей он родственник.

И авторитет у него от этого теперь, как у секретаря ЦК.

Дядя, сдержав обещание, подобрал ему подходящую жену. Из своего жуза. Красавица Айгерим – его верная подруга. И опора в жизни. Ничего, что нет любви. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Отец ее зампредсовмина. А родня многочисленна и дружна. Квартирка в центре Алма-Аты – их подарок молодоженам.

Но и он не лыком шит. Активно участвует в делах. Помощник.

Сейчас настало время определять – кто будет хозяином республики. Борьба идет уже давно. А обострилась она с того момента, как умер Брежнев. Он, Амантай, тогда еще совсем мальчишка на побегушках, часто видел собиравшихся в доме дяди достойных людей. Все понимали, что после ухода своего другана в мир иной Кунаев вот-вот получит от новых хозяев Кремля «черную метку». Но и Андропов, и Черненко правили недолго. И поэтому многоуважаемый Димаш Ахмедович просидел больше года даже при Горбачеве. Но сколько веревочке ни виться, а кончик будет.

Конечно, к верховной власти в республике рвутся разные кланы. И строят они свою тактику по-разному. Южанин, секретарь обкома из Кзыл-Орды Ауельбеков пытается набрать очки демократизмом и близостью к народу. Для этого демонстративно сам ходит в магазин за молоком.

Молодой, да ранний секретарь ЦК по идеологии Камалиденов интригует и пытается со своим кланом устранить соперников, собирая компромат на них и заводя уголовные дела.

Назарбаев старается ни с кем не конфликтовать. А просто, пользуясь поддержкой всесильного родственника, быстро и весело двигаться по карьерной лестнице. К сорока годам он уже дорос до поста Председателя Совета министров республики. А отсюда уже можно свободно допрыгнуть и до самого высокого кресла.

Это понимают и конкуренты. Атака начинается неожиданно. Копают под товарища Нурсултана Абишевича, его верного нукера – министра автомобильного транспорта Анатолия Родионовича Караваева. Как предлог используют развернувшуюся кампанию по борьбе с коррупцией.

Цепочка выявлялась такая. От водителей междугородних автобусов денежные ручейки текли к директорам автопарков. Те передавали их начальнику управления. А тот носил их наверх, министру.

А вот что делал с ними министр? Это и хотели узнать следователи. Может, покупал дорогие подарки вышестоящему начальству? Или устраивал для него богатые пирушки?

Дело получилось громкое. На весь Союз.

Но Караваев стоял на своем твердо. Никого не сдал. Никого не замарал…

Так что борьба за наследство велась по всем направлениям. Сцепившись в смертельной схватке, претенденты даже как-то забыли, что им надо восхвалять мудрость и величие самого Кунаева. Кроме того, хотя и молодой, но уже опытный боец, Назарбаев понимал, что его слишком часто связывают с Динмухамедом Ахмедовичем. Для того чтобы Кунаев не потянул его при отставке на дно, надо было оттолкнуться от тонущего, стареющего, теряющего московских друзей родственника.

О том, что произошло дальше, ходило много разных слухов. Марат Карибаевич как-то сказал Амантаю, что, скорее всего, Назарбаев договорился с Кунаевым о хитром маневре. И по взаимному согласию смело критиковал его на шестнадцатом съезде Компартии Казахстана. Это было нужно, чтобы сохранить власть за кланом, в котором, кстати говоря, не последнее место занимали и они с дядей, славные представители рода жигитеков.

Договориться-то они, может, и договорились. А может, и нет. И Назарбаев просто сам решил «покинуть тонущий корабль», забыв о том, что совсем недавно клялся в вечной верности вождю.

Но старый – он что малый. Когда Нурсултан начал поливать Динмухамеда Ахмедовича с высокой трибуны съезда – взыграло ретивое. Кунаев очень сильно

обиделся. И видимо, решил: не видать вам моей должности как своих ушей. И пошел раздрай.

В ноябре восемьдесят шестого Кунаев подал в политбюро ЦК КПСС заявление. Прошу, мол, освободить от должности. Орготдел поинтересовался у него: «Кто может вас заменить?» И предложил ряд кандидатур местных товарищей. Однако, когда о них спросили мнение Первого, тот дал отрицательный ответ, заявив, что в республике подготовленных людей нет. И на пост первого секретаря надо искать «человека со стороны».

Орготдел ЦК КПСС нашел в городе, где родился великий Ленин, подходящего кандидата – первого секретаря обкома партии Геннадия Васильевича Колбина. И прислал его в Алма-Ату.

Но лучше бы он сразу бросил его в растревоженное осиное гнездо.

Обидно, понимаешь! Работали-работали. Старались-старались. И такой облом.

События начались сразу после пленума, где дорогого, многоуважаемого Димаш Ахмедовича единогласно освободили от должности. В зимних сумерках из центральных, престижных районов города двинулись на окраины к студенческим общежитиям красивые, комфортабельные «Волги». В них сидели очень уважаемые, хорошо одетые люди. Они собирали в комнатах студентов и студенток. И заводили речь об ущемленном национальном достоинстве. О том, что народ оскорблен самоуправством центра.

В одной из таких машин ездил и он, Амантай Турекулов. В общежитии Казахского педагогического института все прошло хорошо. Его окружили аульные «кызымки». Слушали внимательно. Сказали, что выйдут завтра. А вот когда они подъехали на КазГУград к новому общежитию юридического факультета, где когда-то учился и сам Амантай, то там их уже ждали дружинники с милиционером во главе.

Так что пришлось срочно убегать. Садиться обратно в «Волгу». И – ходу!

Но главное было сделано. Спичка поднесена. А горючего материала хватало.

* * *

Гласность, провозглашенная Москвой, приняла в национальных республиках особые формы. В первую очередь все стали вспоминать старые обиды. И в Казахстане в аульных юртах и городских квартирах заговорили о том, что язык погибает, обычаи забываются, молодежь утрачивает корни. Обидно! Да? Дальше – больше. Вспомнили тридцатые годы, когда коммунисты морили голодом всю страну. Амантай, кстати говоря, тоже читал секретный доклад по демографии. Половина казахов погибла тогда от голода. Пятнадцать процентов безвозвратно откочевали за пределы республики. Опустели стойбища. Брошены отцовские юрты. Общая убыль составила три миллиона жизней.

А потом все ехали и ехали переселенцы. То в ссылку, то на целину. Казахи оказались в меньшинстве на собственной земле.

В городах их и сейчас вообще мизер. В Алма-Ате двадцать процентов. В Усть-Каменогорске, где родился и вырос он сам, и того меньше. Девять.

Обидно? Да!

А Амантай, он хоть и коммунист, и комсюк, и функционер, а все равно казах. За родной народ-то болеет. Особенно за молодежь. В последние годы из аулов и сел она потянулась в города. За знаниями. На учебу. А города их встречают неласково. Тут свои порядки – свои обычаи. Хорошо, если есть родственники. Они помогут. А если нет? Вон, как у его бывшего водителя. Ербола. Тоже недавно женился. У них с Берганым родилась дочка. А жить негде. Сняли они комнатку на первой Алма-Ате. И что же? Комнатушка сырая. Ребенок без конца болеет. На той неделе приезжала теща из Кзыл-Орды. Устроила грандиозный скандал. Заявила, что ее дочка с внучкой не могут жить в таких условиях. Что заберет она их к себе обратно. На юг.

А где он возьмет им хорошее жилье? Раньше русские бабки сдавали комнаты. Но сейчас идет кампания по борьбе с нетрудовыми доходами. Бабульки боятся. Цены взлетели до небес. Общагу семейным не получить. Вот и маются они на такой, с позволения сказать, квартире.

Да и то хозяева бурчат: «Понаехали тут. Мусор где попало бросают. Родственники без конца толкутся…»

В собственной стране, в столице чувствуют себя молодые незваными гостями, ущемленными, униженными. А кто виноват? Понятное дело. Русские! Они все захватили.

Трудно и ему, Амантаю. Непросто дается правда. Но постепенно, шаг за шагом меняет он свое мировоззрение. Но как же мучительно сложно понять, оценить по-новому прошлое и нынешнее. Особенно когда дело касается твоих друзей детства.

Где ж она, та правда, которую исповедует его отец, которой учили его в школе? Знают ли ее старшие? Те, кто призвал этих молодых ребят выйти сегодня на улицы.

* * *

Он вышел на воздух. Огляделся.

Разноцветные колонны демонстрантов организованно возвращаются из города. Но заснеженная площадь уже взята в кольцо синими и серыми шинелями. А прилегающие улицы загорожены тяжелыми грузовиками. Однако молодежь это не останавливает. Она просачивается между машинами. Стягивается ручейками к трибуне. Если милиционеры препятствуют проходу, их оттесняют, отталкивают. Там и тут вспыхивают ожесточенные стычки. Толпа угрожающе растет, набухает, расползается чернильным пятном, занимая все свободное место.

Амантай стоит сбоку, в сторонке. Только что они провели заседание в своем стеклянном аквариуме на Комсомольской улице. Первого секретаря не было. Он в Москве. Поэтому решение принимали сами. Коллегиально. Идти к людям. Разъяснять ошибочность их позиции.

Но трудно ему, Амантаю. Только вчера он этим же людям говорил о необходимости выйти. А как сегодня сказать обратное? Лучше уж помолчать. Сделать вид: «Я не я. И лошадь не моя!»

А действие на площади разворачивается своим чередом. Если с утра демонстранты боялись, жались друг к дружке, то теперь, когда численность их растет бешеными темпами, они смелеют. Гулом и улюлюканьем встречает молодежь появление вверху на огромной красно-коричневой гранитной трибуне членов Бюро ЦК Компартии Казахстана. В пыжиковых, норковых шапках, дорогих, солидных дубленках и пальто, с сытыми круглыми лицами – эти люди разительно отличаются от тех, что собрались внизу, – в куцых куртяшках, джинсиках, лыжных шапочках, с обтянутыми кожей скулами и горящими, жаждущими глазами.

Один за другим выходят к микрофону большие дяди. Сначала выступает формальный глава государства – председатель Верховного Совета республики. Он с ходу объявляет требования демонстрантов незаконными и необоснованными. Действительно, по идее назначение первого секретаря – это чисто внутрипартийное дело, которое ну никак не касается тех, кто сейчас топчется на морозе. Но люди знают, кто в доме хозяин. И посему готовы стоять до конца. Так что все призывы мирно разойтись они игнорируют. И напрасно с трибуны раздаются то уговоры, то угрозы. Выступления членов Бюро ЦК Компартии Казахстана Камалиденова, Мендыбаева, Назарбаева они уже не слушают. Встречают улюлюканьем, свистом. А потом из толпы по команде, как белые птицы, взлетают стаи из сотен снежков. И бьют в трибуну, в норковые шапки, в финские дубленки, в лица, во рты.

Толпа сгоняет с трибуны тех, чьи имена только что скандировала, возносила, восхваляла…

Начинаются стычки. Подвыпившие демонстранты бьют солдат оцепления, милиционеров, срывают с них шапки. В ответ милиция нападает на толпу. Хватает отдельных несознательных граждан. Тащит их за трибуну. В общем, пошло мочилово…

Надо разрядить обстановку. Надтрибунники решили предоставить слово демонстрантам, подтрибунникам.

Вылезла на свет божий к микрофону какая-то баба с ребенком. Что-то невнятно пробормотала.

Никто ничего не понял.

Фокус не удался.

С этого момента дела пошли вразнос.

Амантай стоит в нерешительности. Как комсюк он должен уговаривать молодежь разойтись. А как человек – он понимает и сочувствует.

Так и стоит. Раздумывает. А толпа тем временем разбивается на небольшие группы. И по всей площади идут свои митинги.

Наконец Амантай решается. И подходит к одной из таких куч. И вдруг видит, что в середине ее стоит не кто иной, как его верный усатый Ербол. В рыжем лисьем малахае с завязанными ушами и дубинкой в руках он выглядит воинственным и решительным. Набычившись, крепко упершись широко расставленными ногами в землю, он кричит по-казахски, пересиливая динамик, откуда несется бравурная музыка:

– Казахстан богат! А мы бедны. Куда все уходит? Родители в аулах производят мясо, молоко. Растят хлеб. На нашей родной земле никто с нами не считается. Ни в одной республике нет первого секретаря другой национальности. Разве не найдется в Казахстане достойного, честного и умного человека, связанного корнями с народом, знающего его быт, культуру, нужды, интересы?! В центре считают, что мы неспособны выдвинуть руководителя из своей среды? Это оскорбление всему казахскому народу!

Толпа вокруг Ербола начинает кричать. Один красномордый, пьяный выскакивает в круг с дубиной наперевес, оглядывается мутными глазами:

– Ур! Бей их! Гадов! Опричников! Смотрите, они окружают нас!

Действительно, к площади подтягивается серо-зеленая колонна курсантов-пограничников, судя по зеленым погонам с желтой окантовкой.

Стычки ужесточаются. И учащаются. Из-за трибуны солдатам начинают подавать щиты и дубинки. С трибуны пытаются еще выступать, но ситуация явно вышла из-под контроля…

Амантай пробует пробиться к возбужденному Ерболу, сказать пару слов, но понимает, что в такой обстановке можно получить и по мордасам.

Да и как-то нехорошо получается. Вчера он звал его на баррикады. А сегодня – спасаться бегством. Не поймет его Ербол. Простой он очень для этого.

Поэтому Амантай снова выходит из толпы за оцепление. Теперь уже ничего не зависит от них. Действие идет по своему сценарию. Снежная лавина двинулась. И остается только ждать развязки…

IV

Лейтенант госбезопасности Анатолий Казаков вообще не спал в эту ночь. Он дежурил по управлению. В форме. С оружием. И когда под утро стали поступать неожиданные звонки, не растерялся, а действовал строго по инструкции. Как положено. Фиксировал. Докладывал.

Надо сказать, что какие-то непонятные движения в студенческих и рабочих общежитиях просматривались в оперативных сводках КГБ еще вчера. Но никто на них особо внимания не обращал. Руководство, наверное, думало – ну, поговорят, пошумят. Но выйти не рискнут. И когда стали поступать первые сообщения с площади, все как-то даже подрастерялись. Но потом осознали масштаб бедствия. И кинули наличные силы к месту событий.

Так что он тоже здесь. После дежурства. На ногах. В штатском. Но с оружием.

Их задача простая. Собирать информацию. Во всех видах. Снимать события и тех, кто в них участвует, на пленку. Слушать. Смотреть. Фиксировать. Что они и делают.

К обеду его отзывают с площади. Его непосредственный начальник майор Терлецкий собран и решителен:

– Далеко не отлучайся! Будь при мне! Наша задача – охранять штаб. Руководство. Должны прилететь ответственные работники ЦК КПСС, первые заместители министра внутренних дел, Генерального прокурора и Председателя КГБ. Елисов, Сорока и Бобков.

Через час они выезжают в аэропорт. Несколько «Волг» с правительственными номерами и охраной.

Самолет из Москвы ждут долго. Приходит он полный народа. Кое-как разместились. И тронулись по тихим заснеженным улицам города обратно.

На площади идет митинг. К ней подтягиваются новые группы молодежи. Так что их колонне, чтобы попасть в штаб, приходится объезжать опасные места по каким-то лачужным, с разбитым асфальтом улицам старого города. Но, слава Богу, добрались без происшествий.

Уже в машине из разговоров начальствующих людей Анатолий понял, что к Алма-Ате перебрасываются войска из других районов страны.

В здании ЦК тихо. Только доносится с площади гул толпы. Пустые, застеленные красными дорожками коридоры. Ряды аккуратных деревянных дверей с табличками. И почти никого из аппарата.

Прибывшее начальство и местные вожди размещаются в огромном кабинете главного. За длинным деревянным столом.

Начинается совещание.

Охрана остается в коридоре и соседних кабинетах. Анатолий и еще двое молодых, спортивных, поджарых ребят из столицы нашей Родины города-героя Москвы сидят в комнате рядом со штабом, бесцеремонно бросив на канцелярские столы с бумагами автоматы и бронежилеты. В окно с высоты птичьего полета ему видно все, что происходит на площади.

Разговор с москвичами не клеится. И он молча думает о происходящем: «Да как они могут? Что они понимают в кадровой политике? Республика погрязла в коррупционных скандалах. Люди устали от постоянного взяточничества и кумовства. Надо наводить порядок. А местные кадры, они все повязаны. Все родственники. Кумовство и жузовщина. Все Абеке, Береке… Разве такое мыслимо на семидесятом году советской власти?…»

Мимо их комнаты потянулись участники совещания. Один из них, тучный, полный, в генеральской милицейской форме цвета маренго, резко жестикулируя фуражкой с красным околышем, отчетливо говорит другому:

– Раз ничего не можем сделать, надо разгонять.

«Вот так вот. Правильно, – одобрительно думает Казаков, вставая со стула и выглядывая в окно. – Пожестче, а то развели антимонию». Он, правда, не знает, что такое антимония, но слово ему нравится, и он даже повторяет его вслух:

– Антимония!

Оба сидящих рядом оперативника вопросительно смотрят на него… А потом недоуменно переглядываются между собой.

* * *

Тогда, после стажировки на выставке «Фотография в США», он твердо решил: «Обязательно вернусь в Алма-Ату. На работу».

Но надо было еще закончить «вышку» в Москве. Получить назначение. Поэтому он старался изо всех сил.

И преуспел.

Отобрали из их выпуска сначала пограничников, потом связистов, наружку. Ушли давно уже распределенные ребята в службу внешней разведки. Настал и их черед. Прочитав приказ, он аж заскакал на одной ножке и с ходу принялся обнимать своего дружка Алексея Пономарева:

– Леха! Я попал!

Рыжий взял из его рук белый листок с текстом и хмыкнул, морща конопатый нос:

– Направить в распоряжение республиканского комитета. Ну и что из этого следует?

– Как что следует? Я рапорт подавал…

– Ну и что радуешься? Вот я могу радоваться. В Москве остаюсь. А тебя, может, еще куда кинут. Из города.

– Да не понимаешь ты! Я хотел. И получилось!

– Ну-ну. Давай-давай!

Но он действительно остался в Алма-Ате. В пятом управлении. В отделе, занимающемся молодежными делами.

Как и положено, его использовали первое время «на подхвате». Есть такая форма стажировки молодых сотрудников. Делают, что прикажут. Едут, куда укажут. Пишут, что закажут. Помогают, одним словом. Через год допустили до самостоятельной работы. Стали внедрять в одно из отделений по наблюдению за молодежью.

Пригодилось то, чему учили в «вышке». Особенно навыки вербовки агентуры. Потому что везде ему нужны свои люди. Платные и бесплатные источники информации.

Каждый оперативный работник комитета обрастает такой сетью. И она опутывает всю страну. Так что к любому в принципе могут подобраться. О любом собрать данные.

Конечно, комитетчик не тыкает каждому в нос свои корочки. Они для особых случаев. Поэтому Анатолий тоже обзаводится документами прикрытия. И по мере надобности представляется то комсомольским работником, то фотокором. А иногда и милиционером. Это кому как нравится. А молодому лейтенанту

добавляет собственной значимости. Ценит он и развитое в конторе чувство корпоративной солидарности. Если хотите, братства гэбистов. В любой точке необъятного Союза он может рассчитывать на помощь товарищей. В стране тотального и вечного дефицита это дорогого стоит. Место в гостинице, билет в разгар летнего сезона, заграничное лекарство – все могут сделать люди, курирующие ту или иную сферу.

Да и государство их не забывает. Квартиры дает как военным. А оклады даже повыше. И система старается. Работает. Собирает информацию. Анализирует. Агенты строчат донесения. Оперативники пишут отчеты. Начальники отделений систематизируют информацию. Подают справки в отделы. Там все рассматривают, анализируют, обобщают. Бумажные струи вливаются в поток, текущий прямиком в управление. И так все выше и выше, и выше… До самого генерального, которому председатель комитета периодически кладет на стол свою черную папочку с выкладками. И рекомендациями.

Кладет-то кладет. Но выступление казахской молодежи в декабре восемьдесят шестого проморгали.

На все праздники усиливали дежурство. На любой чих откликались. Думали, муха не пролетит незамеченной.

И… облажались. Да еще как! Не там копали. Гнобили подпольных немецких пасторов. Боролись с доморощенными еврейскими диссидентами. А прохлопали казахских смирных и лояльных националистов.

Не обращали внимания на горючий материал, скапливавшийся под боком в студенческих общагах и аудиториях. А теперь вот рвануло. Да как рвануло! Дым коромыслом. Искры во все стороны. Пух и перья летят.

* * *

«Сиди тут. Наблюдай! А там уже полная задница», – думает про себя Казаков, периодически выглядывая за окно штаба.

Если с утра на пустующей площади толпа была размером с усыхающее Аральское море, то теперь она разлилась полноводным Канчагайским

водохранилищем, которое волновалось и билось о берега оцепления. Анатолий прикидывает взглядом: «Тысяч десять есть точно. Что с ними сделаешь теперь? О! Задвигалась цепь. Зашевелилась».

И оперативники дружно прильнули к окну.

…Солдаты в касках, со щитами и дубинками двинулись на толпу демонстрантов. Но не тут-то было. Наиболее активные стали обороняться, подавая пример остальным. Они отрывали коричневую мраморную плитку, которой облицованы трибуны, сиденья, здания. Разбивали ее. И швыряли в солдат и милиционеров. Куски плитки с острыми, как бритва, краями оказались в этой битве идеальным метательным оружием.

Наступил зимний вечер. Но побоище не прекращалось. Волна за волной двигались солдаты на толпу. И каждый раз под каменным градом откатывались обратно. В вечерних сумерках при свете прожекторов и фонарей то там, то здесь вспыхивали рукопашные схватки.

Машины «скорой помощи» беспрерывно увозили пострадавших с обеих сторон.

В конце концов властям стало ясно, что таким методом молодежь не изгнать. На площадь выехали машины, груженные спецсредствами: шумовыми гранатами, сигнальными ракетами, дымовыми шашками, боевыми патронами, баллончиками с газом. Они остановились недалеко от трибуны. Наготове. Но когда на них тоже обрушился град камней, охрана разбежалась в разные стороны.

Демонстранты бросились вперед. Облепили машины, как муравьи.

И вот все спецсредства оказались у парней в руках.

И пошла потеха. Взлетали в небо ракеты. Взрывались шумовые гранаты. Хлопали брошенные в огонь боевые патроны.

Неожиданно выключился свет. Горели лишь прожектора, подожженные легковые машины и деревья.

В этот момент на демонстрантов двинулись двадцать красных пожарных авто. Из лафетов ударили струи ледяной воды.

И снова молодежь не разбежалась. Устояла. Выручили все те же куски плитки. Тысячи их застучали по кабинам и бочкам. Вылетали стекла. Лопался металл обшивки.

В мгновение ока пожарные машины были повреждены. И остановились.

Тут же две из них загорелись. Выскочившие пожарные получили ранения. Красная кровь лилась на асфальт.

Анатолий Казаков, возбужденный и разочарованный, сидел у окна, когда ракета ударила в стекло кабинета. Пробила его. И попала прямо на ковер, лежавший на полу. Ковер загорелся, отчаянно дымя и разбрасывая искры. Все кинулись тушить огонь.

Анатолий сбегал по длинному коридору в туалет. И оттуда в кувшине притащил воды. Ковер залили. И вынесли его из кабинета.

Пока они суетились на пожаре, войска на площади готовились к решительной атаке.

V

…Ербол Утегенов, когда прогнали пожарных, сразу понял, что готовится что-то нешуточное.

Он видел, как скапливались возле трибуны войска, змеею вытягивались ряды, состоящие из курсантов, солдат, офицеров и милиционеров. Видел в руках у некоторых не дубинки, а саперные лопатки. Видел огромных овчарок на поводках.

Да и все его товарищи, которые еще оставались на площади в этот поздний час для неравной битвы, почувствовали решительность коммунистических властей.

И даже на мгновение притихли.

Наконец строй двинулся. Они встретили его градом камней. Но войско под прикрытием щитов быстро преодолело разделявшее их пространство. И принялось избивать демонстрантов.

Там и тут на политом кровью асфальте оставались неподвижные тела.

В этот раз солдаты и менты не отступали назад. А гнались дальше за площадь, в переулки и улицы.

Все начали разбегаться. Кто куда.

Быстроногий Ербол с двумя товарищами рванул в подъезд многоэтажной башни, чтобы укрыться там от погони. За ними кинулись и преследователи. Военные с овчарками.

Ребята заскочили в чистенький с ковриками подъезд. И побежали по ступенькам наверх. Но путь им преградили закрытые внутренние двери. Они стали громко стучать, кричать, просить.

И в этот момент их настигли собаки. Крупные, натренированные на людей, похожие на волков, две немецкие овчарки стали, рыча, хватать их за руки, ноги, куртки. Рвать плоть. Подбежали, тяжело ступая форменными ботинками, проводники с дубинками и поводками в руках. Стояли рядом, тяжело дыша. Молча смотрели, как собаки по очереди атаковали жмущихся в угол ребят.

Затем в подъезде раздались громкие голоса. Это подмога. Проводники нехотя отзывают собак. Подбежавшие милиционеры хватают ребят. Выворачивают руки так, что хрустят позвонки. Тащат на улицу, больно пиная по дороге и целясь в копчик.

Их доводят до переулка, где стоит тюремная машина-грузовик с металлической клеткой в кузове. В просторечии автозак. Там уже полно молодежи. На ребятах и девчонках разорванная одежда, на лицах следы побоев: кровь, ссадины, синяки.

Ербола несколько раз бьют дубинкой по ребрам так, что от боли все переворачивается внутри. Потом отнимают лисий малахай, шарф, перчатки. И ударами загоняют в ледяной кузов автозака. К остальным.

Тут он видит среди давки знакомых ребят из сельскохозяйственного института. Серик и Джамбул стоят обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло.

– Иди к нам! – шевелит разбитыми в вареники синими губами Серик. – Мы тут уже давно.

Ербол проталкивается к ним. Внутри немного теплее. Спрашивает:

– Вы-то как сюда попали? Вы ж никогда ни во что не лезете.

За обоих отвечает круглолицый, с сине-красной полосой от удара дубинкой поперек лица Джамбул:

– Да, брат, сидели в обед вчера с ребятами в чебуречной. Вдруг за соседним столиком парень очкастый такой говорит: «А вы завтра выходите?» Я отвечаю: «Не знаю! Куда?» А он в ответ: «А вот педагогический институт – девушки выходят!» Ну я ему и ответил: «Тогда и мы выйдем!»

– Лихо!

Машина заполнилась арестованными до отказа.

И наконец тронулась.

– Куда нас везут? – спросила симпатичная взъерошенная девушка в модной коричневой меховой дубленке и шапочке с козырьком.

– На расстрел! – решил пошутить Ербол.

На него зашикали:

– Дурак! Что мелешь!

И притихли. Машина набирала скорость. И, судя по всему, двигалась вверх по улицам. В сторону гор. Ехали минут двадцать-тридцать.

Потом остановились. Грохнула, лязгнула металлическим запором открываемая дверь. Раздался резкий, неприятный голос:

– Ну, выходите, арестанты! Чертовы националисты!

Один за другим, избитые и униженные, они спрыгивали из кузова вниз. На улицу. Ой, бай! Оказывается, здесь, прямо в чистом, заснеженном поле, стоит целая колонна таких же автозаков и автобусов. В сопровождении машин ГАИ. Где-то далеко, ниже светится огнями Алма-Ата. А тут тишина. Мороз. Темнота. И сотни людей. На снегу.

Колонна машин, которая их привезла, тронулась и, сверкая огнями фар, ушла в сторону города. А они остались стоять на обочине. Их отпустили.

– Ура! – закричали пискляво две толстушки-подружки, тоже оказавшиеся среди них.

– Дуры! Что ура-то? – сказал машинально Ербол. – До города километров двадцать. До утра не дотопаешь.

Было холодно. Ныло, болело избитое, искусанное собаками тело. Но гнев не проходил: «Вот как они с нами. Ну мы вернемся и покажем вам, гады! Завтра же покажем. Там же, на площади! Ур! Бей их!»

И он побрел в сторону ближайших огней. Следом за ним потянулась длинная колонна, заковыляли по заснеженной дороге друзья по несчастью.

VI

День прошел. И ладно. Вчера вечером Александр Дубравин уже дал короткое сообщение о волнениях в Алма-Ате. Поэтому сегодня с утра он спустился вниз. И побрел к ближайшему газетному киоску. Посмотреть – вышла ли заметка? Киоск был закрыт. И разбит. Вокруг него валялись на асфальте осколки стекла и обрывки газет.

«Черт бы их побрал, – язвительно подумал он. – Конечно, революция – дело святое. Но зачем же стекла бить? Пройдусь еще пару кварталов. Осмотрюсь!»

И двинулся вверх. К площади. Чтобы оценить обстановку.

Из подъезда соседней высотки навстречу ему вылетел собственный корреспондент «Литературного обозрения» Апполинарий Мушевич. Человек жутко интеллигентный, высококультурный и очень щепетильный. Его тонкокостная, упакованная в модную итальянскую дубленку и спортивное обвисшее трико, фигура появилась перед Дубравиным так неожиданно, что тот аж вздрогнул. Мушевич, возбужденно размахивая руками и то и дело поправляя круглые очки на горбатом носу, протараторил:

– Ну, ты дал вчера репортаж?

– Хотел купить газету. А киоск разбит, – чуть растерянно ответил Александр.

– Да, пошумели тут вчера. Из наших окон все как на ладони. Мы с Монечкой до самого конца наблюдали. Как им давали разгону. Уже часа в три ночи их наконец прогнали с площади. К нам в подъезд несколько человек заскочило. Пытались спрятаться. А тут их с собаками догнали! – Мушевич злорадно усмехнулся. – И они их как начали рвать. Рвать! Рвать! Будут теперь знать, сволочи!

Дубравину было неприятно это его злорадство. Он промолчал: «Мне все это тоже не по нраву. Но собаками травить пацанов и девчонок… Это прямо какой-то фашизм!»

Они разошлись в разные стороны. Но уже через сотню-другую метров он, оглянувшись, увидел бегущего рысцой обратно к дому Мушевича. Тот на ходу показывал ему рукой куда-то вниз. Дубравин обернулся. Снизу по улице поднималась к площади колонна молодежи с транспарантами и палками в

руках.

Начинался второй день заварухи. И он не обещал быть легким. Тем более что через секунду Дубравин услышал ни с чем не сравнимый шум и стук с другой стороны. И увидел подходящий сверху от площади серый квадрат – роту военных. В эту минуту его одинокая фигура корреспондента оказалась как бы на нейтральной полосе. Он оглянулся по сторонам. Мушевич уже чудным образом исчез, можно сказать, испарился.

«Отойду-ка и я в сторону от греха подальше! Черт их знает, что у них на уме после вчерашнего разгона».

Рота, состоящая почему-то не из молоденьких солдатиков, а из здоровенных мужиков в офицерских шинелях и шапках, приближается. Метров с десяти Дубравин наконец может разглядеть их вооружение. В руке у каждого крепко зажат кусок кабеля или резиновая дубинка. Ни щитов, ни касок, ни бронежилетов. Пройдя еще метров двадцать, военные останавливаются и молча ждут поднимающуюся снизу им навстречу колонну демонстрантов.

Впереди идут молодые ребята с портретом Ленина в руках. Увидев военных, они начинают притормаживать. Но сзади на них напирают, подталкивают те, кто еще не разглядел военное каре. Поэтому разноцветная легкомысленная колонна медленно приближается к серым, застывшим шеренгам.

Дубравин внимательно вглядывается в решительные и испуганные, раскрасневшиеся и бледные лица парней и девчонок, выхватывает взглядом из толпы какие-то особенные детали их экипировки и одежды. Неожиданно во втором ряду он натыкается взглядом на знакомое, круглое, усатое, нахмуренное лицо: «Ба, да это же Ербол Утегенов, бывший водитель Амантая. И с дрыном в руках… Что бы это значило?»

Раздается команда. И офицеры, резко печатая шаг, двигаются вперед. Это движение настолько неожиданное и стремительное, что толпа толком и не успевает среагировать, как в нее с ходу, давя все на своем пути, врезается тяжелая, как бетон, серошинельная масса.

Столкновение происходит прямо перед ним. Демонстранты кидаются врассыпную. Кто куда. Дубравину видны только взлетающие поверх голов

свистящие кабельные плети.

Молодняк разлетается, как воробьи от ястребов. Одна черноголовая, перепуганная девчонка в коротенькой красненькой курточке и джинсиках вылетает из бегущей толпы и быстро подскакивает к нему. Хватает за руку и, как ребенок, прячется за него. Видимо, инстинкт самосохранения подсказывает ей, что этот широкоплечий, с крупной высоколобой головой мужчина в случае чего заступится, защитит ее. Честно говоря, глядя на то, как орудуют кабелем и дубинками бойцы спецназа (потом выяснилось, что это были офицеры подмосковной дивизии), Дубравин слегка струхнул: «Как бы в пылу битвы меня самого не огрели чем-нибудь по голове». Но внешне он соблюдает полное спокойствие. Стоит не шевелясь, словно каменная статуя командора. И возбужденные, разгоряченные бойцы, тяжело дыша, проходят мимо них, обдав особым военным духом. Запахом шинелей, кирзы, кожаных портупей и оружейного масла.

Через минуту, когда опасность минует, он молча стряхивает со своей руку вцепившейся в него кызымки. И так же молча, не сказав ни слова, идет к своему дому.

На душе смутно. И мысли тяжелые, как камни, ворочаются в голове: «Как мы все ждали обновления. Надеялись на лучшие времена. На свободу. И вот они пришли: перестройка, гласность, ускорение. Народ воспрял духом. Можно критиковать. Спорить. Переустраивать жизнь. И никто, собственно говоря, не ожидал, что эти благие пожелания станут дорогой в ад. И перестройка выльется в разрушение, развал всего привычного, ставшего обыденным и удобным строя жизни. А на поверхность выйдут тяжелые и неудобные для народов и партии вопросы. В том числе и национальные».

Дискуссии с экранов телевизоров, со страниц газет, кухонь и клубов вылились на площади и улицы. А у толпы на улице свои законы.

И еще он чувствовал, что в этом выступлении таилась какая-то скрытая угроза. И ему самому. И всем русским. Все-таки их родиной была другая земля. И слова «Россия, Москва, Кремль» они воспринимают по-иному, нежели местные жители.

Всю его жизнь с утра до вечера ему вдалбливали, что они советские люди. Братья. Интернационалисты. И вот появились откуда ни возьмись тысячи тысяч,

которые своим выходом на площади и улицы опровергают это. Будят и у него какое-то еще не до конца понятное чувство. Своей какой-то особостью они как бы говорят: «Нет, мы не такие, как вы. Мы другие. Мы не советские. Мы – казахи».

А кто тогда мы?

* * *

Еще целый день бушевал город. Власти, не справившись с волной, призвали на улицы с заводов, фабрик и учреждений тысячи дружинников. И так уж получилось, что в их рядах большинство оказалось русским. И когда демонстранты ринулись на республиканский телецентр, их первой жертвой стал русский инженер.

Так был вбит клин в «вечное дерево дружбы наших народов».

На смертоубийства власти ответили еще более жестко. Начались аресты. Спецоперация под поэтическим названием «Метель» так вымела улицы когда-то мирного города, что к ночи они полностью обезлюдели.

В столице наступило затишье.

В декабрьские дни 1986 года состоялось первое в новейшей истории СССР крупное национальное выступление. Оно стало прологом к гибели великой империи.

VII

Вдоль по улице метелица метет. Ну а улица через город нас ведет. И называется она именем Ленина.

Чугунно-черный, слегка припорошенный снегом памятник вождю мирового пролетариата стоит в самом сердце города оружейников. Позади него куб

серого бетонного здания обкома партии. Впереди площадь. На краю ее примостились два крутобоких храма. Это центр Тулы.

На дальнем конце улицы другой памятник. Бородатому мужику с простой крестьянской внешностью. Только не мужик это вовсе. А граф. И гений.

Между двумя этими символами и живет теперь Галинка Озерова. Кстати, она вовсе и не Озерова. Женщины, как монахи, отрекаются от своей природной фамилии, а заодно и от прошлой жизни, выходя замуж. Вместе с замужеством приходят в их жизнь не только радости. Но и проблемы.

* * *

Доктор старенький, маленький, седенький. С острой бородкой. В очках. И говорливый. Усаживает в кресло, а сам все выспрашивает:

– Мужа любишь?

А что она может ответить?

– Люблю!

– Ну тогда потерпи, голуба. Потерпи, милая!

Приходится терпеть. Ведь в жизни каждой женщины есть такие неприятные моменты, как визит к врачу-гинекологу. Осмотр. Досмотр. Лежишь и чувствуешь себя… Ох! Кем только себя ни чувствуешь, пока врач что-то делает между твоих раскинутых ног…

Наконец доктор присел за столик. Склонился розовой лысиной над синей медицинской карточкой. Галина тихонько слезла с кресла. Оделась. Тоже присела на краешек беленького хлипкого стульчика.

«Что скажет? Чем обнадежит?»

– С вами, голубушка, все в порядке, – наконец прерывает молчание он. – Ищите причину в любимом муже.

И как сказать теперь ему, Владиславу, чтобы он сходил к врачу? Уже два года живут. Ее и мама, и теща, и подруги ну просто достали. Ну когда? Ну что? Когда ждем? Кого ждем? Вот вынь и роди. Она уже и ругаться перестала.

Осторожно прикрыла за собой дверь женской консультации. И мимо памятника графу-мужику пошла на работу.

Холодно, ой как холодно на морозе песни петь. За коленки хватает. Подгоняет. Надо побыстрей по хруп-кающему снегу добежать до конторы.

И что привязалась к ней, крутится в голове эта глупая, невесть откуда взявшаяся песенка:

В деревне Ясная Поляна

Жил Лев Николаич Толстой.

Не ел он ни рыбы, ни мяса.

Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая,

Напротив, любила поесть.

Она не ходила босая,

Спасая дворянскую честь.

Я этому графу Толстому

Прихожусь двоюродный внук.

Подайте, подайте босому.

Из ваших мозолистых рук.

«Вот граф Толстой не заморачивался. Восьмерых с графинюшкой сподобились родить. А тут беда. Никак. А ребеночек все снится и снится. Каждую ночь. Мальчик такой. Нежный. Беленький. Тьфу, жизнь какая. И привяжется же».

Галина, быстро проскользнув мимо недовольной очереди, молча входит в рабочий кабинет в ЖЭКе, где ее уже ждут подруги по работе – пожилая, серьезная и полная Марь Ивановна и беленькая хохотушка Леночка.

– Галинка, садись, чай пить будем! – встретила ее радостным возгласом оплывшая от тортиков Марь Ивановна.

– Да там посетители, человек пять, – отвечает она, усаживаясь за рабочий стол и раскладывая квитки.

– Да успеем их принять! Что мы, не люди? Не можем чаю попить? – отозвалась из угла Леночка. – Работа не волк. В лес не убежит. Смотри, мне какие конфеты принесли!

Кто такое мог придумать? И предугадать три года тому назад. Что расстанется она с Дубравиным. Выйдет замуж. Окажется здесь, в городе оружейников. И будет отчаянно, с замиранием сердца ждать.

* * *

Людка тогда пришла вечером. Озабоченная такая. Взвинченная. Психованная. Видно было по тому, как разувалась. Как сбросила с ног туфли. Как бегали, перебирали пуговицы ее длинные красивые пальцы. С решительным и хмурым видом приступила к рассказу. Что у них случилось. И выходило из ее рассказа, что пьяная скотина Дубравин, можно сказать, изнасиловал ее, бедную. Надругался над сиротой…

А сама все заглядывала ей в глаза. Смотрела. Высматривала. Ну как? Попала я тебе в самое сердце? Убила? И лицемерно жалела ее. И утешала. Как умеют только женщины. Мол, все образуется. Мужики все такие! Сволочи – одно слово!

Но она-то, Галинка, знала, что ничего не образуется. И было такое ощущение, будто упала она с какой-то неимоверной высоты. В пропасть. В пустоту. И в

ужасе летит, летит без руля и ветрил вниз. На камни.

Год жила в каком-то тяжком сне. Как зомби. Спасал ее только бассейн. В его голубой воде на дорожке чувствовала она себя легко и свободно. Как в детстве.

Там она его и встретила.

Вода в тот день была теплая. И оттого сильно пахнущая хлоркой. Солнечные лучи проникали сквозь стекла, переламывались и играли бликами на дне бассейна. А новый тренер пришел неожиданный и жутко красивый. Широкие плечи. Треугольная спина. Рельефные икры ног. Как-то она так снизу из воды одним взглядом схватила его всего. И лицо. Приятное, красивое, породистое лицо.

«Ну прямо Апполон», – подумала. И… пропала.

А он? А что он? В бассейне всегда полно одиноких теток с жадными, тоскующими глазами. Так что он уже привык к определенному стилю общения. Простому, спортивному. А посему, встретив ее как-то возле раздевалки, приобнял, чмокнул в щёку и, заглянув в огромные глаза, предложил:

– Давай сегодня ко мне поедем. Посидим. Музычку послушаем…

То есть, по-простому говоря, он предложил ей переспать с ним.

А она привыкла к другому. Вспыхнула. Сбросила его руку со своих плеч. Резко повернулась. И ушла, не сказав ни слова.

И только в раздевалке разрыдалась.

После этого случая стала она дичиться его. Не разговаривать. Вопросов не задавать. Ну, в общем, действовать в соответствии со своей женской природой.

Естественно, уже у него заиграло мужское начало. Как так? Меня, такого красавчика, отвергла?! Шалишь…

Одержала она свою маленькую женскую победу.

Дальше все шло как положено. Цветочки-лютики. Свидания. Охи. Вздохи. Поцелуи. И всякое такое. С соответствующим антуражем. И предложением руки и сердца в придачу.

Свадьбу решили играть в Жемчужном. У него одна мама. А в деревне всего вдоволь. Да и теще хотелось отличиться. Прогнуться перед зятем. И показать всем соседям, что они не лыком шиты. Тем более что Дубравина и его семейство она недолюбливала. Да и за что любить? Простые крестьяне. Старший сын Иван – пьяница. Шурка вроде неплохой. Но еще неустроенный в жизни. Не ровня, как ей казалось, ее любимой дочечке.

А тут жених из города. Образованный. Красивый. Обходительный. Так что счастливая мама радовалась от души. Устроила дочку. Выдала замуж.

В общем, свадьба пела и плясала.

Дубравина, естественно, никто не приглашал. Но он все знал. Людка описала. В специальном письме. Как ни странно, ее тоже не пригласили. Почему-то подруга, которую она, можно сказать, просветила, открыла ей глаза, не позвала ее на торжество.

И вот наступил этот святой для каждой женщины день. Торжества! Победы! Счастья!

В белом пушистом шифоновом платье с красною розой в руке вышла она к гостям. Сама не своя. Вся воздушная, непорочная. И жаждущая семейной любви. Муж был ей дан. На зависть подружкам. В черном костюмчике – молодой, непьющий, положительный красавчик. Сели, как голубки, во главе стола. И… пьянка удалась. Записные гуляки оттянулись по полной. И дорогу перегораживали. И выкуп за невесту требовали. И бутылочками. И деньгами.

Конопатый Толька Сасин да ее бывший одноклассник мордатый Колька Рябуха ухитрились украсть у невесты туфлю. То-то шуму, гаму было, когда она пошла танцевать. Босая. А уж потом они все вместе созорничали. Они предложили. А она согласилась. Чтобы ее «украли».

Сказано – сделано. Вместе с «похитителями» она потихоньку вышла из зала, где проходило торжество. И спрятались на кухне. В подсобном помещении.

Ну а Шурки Дубравина друзья – Вовка Лумпик да Валюшка Лисикина – пустили среди гостей слух: «Приехал Дубравин и увез невесту на каких-то новых “жигулях”».

Бедный жених весь потерялся. Принялся метаться туда-сюда по залу. Заламывать руки.

То-то деревня потешилась над городом.

Но в конце концов все утряслось. Уладилось. Невесту вернули.

И догуливали свадьбу еще два дня.

* * *

Начали они жить-поживать. И добра наживать. Муж оказался добрый. Ласковый. Отогрел ее после прабабки. (Злобная старуха оставила в ее жизни и душе неизгладимый след.) Все стало на свои места. Ее любили. И она, ни минуты не сомневаясь, торжественно поднесла ему свой девичий дневник. Тем самым давая понять, что ради семьи полностью отказывается от своей личной, потаенной жизни. «Владик, я вся твоя», – говорила она ему этим жестом. Он, соответственно, доверил ей свои записи. Прочитали. Обменялись. И торжественно, как мосты, сожгли дневники, поклявшись быть верными друг другу до гробовой доски.

Так стала она из Озеровой Шушункиной. Фамилия теперь у нее такая. По мужу. Шушункина.

Ну а первая любовь? Так то была греза! Какое-то наваждение! Мечта!

Первое время казалось ей, что у нее явный педагогический талант. Удалось найти через родных и знакомых мужа хорошую школу, в которую она и пошла учительствовать. Сеять разумное, доброе, вечное.

Но почему-то ученики, черт бы их побрал, это не оценили. Вредные, непослушные и тупые. Уроков не учили, вертелись, хулиганили.

Она сильно переживала. И, приходя домой, часто плакала.

Промаялась таким образом целый год.

И тут поступило из России интересное предложение. В городе-герое Туле жила у мужа Влада бабушка. Старушка приятная во всех отношениях, но главное – совсем дряхлая. Бабушка писала. Так, мол, и так. Старенькая я. Может, скоро помру. А в городе у меня есть квартирка двухкомнатная. Чтобы она не пропала, надо вам переехать ко мне. Прописаться. Найти работу. И жить-поживать. Какая вам разница, где учительствовать.

Голому собраться – только подпоясаться. Почитали они это письмо. Подумали. Поразмахивали руками. Посоветовались с родственниками. Пролили слезы расставания. Да и поехали в Тулу. Где и начали старую-новую жизнь под крылом у бабушки.

Устроились неплохо. Молодой муж, несмотря на ранние по юности лет плейбойские замашки, оказался хорошим семьянином. Как и все физкультурники, талантами он особыми не блистал. Но вакантное место преподавателя в медучилище получил. Галина пошла работать в Дом культуры на полставки художником-оформителем. Писала плакаты, афиши для кинофильмов, лозунги к праздникам. Впрочем, не это сегодня составляло смысл ее жизни. Муж есть. Теперь надо вить гнездо. И, повинуясь инстинктам, она вся отдалась этому увлекательному процессу.

А какая же семья без детей? С надеждой и робостью она ждала своего часа. Но он почему-то не приходил. Не приходил, и все тут. Сначала, как водится, забеспокоилась мама. «Что-то ты, доченька, не сообщаешь мне радостные вести?» К ней подключились свекровь и бабушка. Потом родные, подруги, знакомые. Вокруг молодой семьи всеми этими расспросами, охами, вздохами, тонкими намеками на толстые обстоятельства создавалась атмосфера

напряженного ожидания. Они, как могли, отбивались: «Не время! Молодые еще! Для себя пожить надо!» Но месяцы складывались в года. И теперь уже начала беспокоиться она сама. Стала задавать разные вопросы. Пошла по врачам. Консультациям. И вот сегодня старенький доктор окончательно развеял все ее сомнения.

Она сидела на работе. И мучительно размышляла о том, как ей сказать мужу, что ему тоже надо провериться. Найти причину бесплодия их семейной пары. И может быть, пора ему что-то делать! Лечиться, к примеру!

Она весь день готовилась к этому семейному разговору. Хотелось не оскорбить его. Не обидеть. Но в то же время быть настойчивой. Добиться результата.

Пришлось сильно постараться. Приготовить ужин – пальчики оближешь. Застелить постельку новым покрывалом. И уже вечером, лежа на ложе в своей комнате, она наконец завела беседу на интересующую тему.

– Влад, я сегодня была у врача! – глядя на закрытые тенью от абажура глаза мужа как бы невзначай говорит она.

– Ну и что? – лениво цедит он.

– Доктор сказал, что у меня нет проблем.

– И что дальше?

Ее даже как-то завело его равнодушие. Стало обидно.

Душа болит. А он…

– А то, – чуть раздраженно сказала она. – Это значит, проблемы с тобою!

– Да ну, ты что? – он приподнялся на локте с подушки так, что красивые мышцы пловца заиграли под нежной загорелой кожей. – Я в порядке. У меня со здоровьем всегда все было отлично!

«Какой он у меня красивый. Ухоженный. Следит за собой», – почему-то с продолжающимся раздражением подумала она, вспомнив, как старательно каждое утро Влад бреется, душится, причесывается. И вдруг с неожиданной, неизвестно откуда взявшейся решительностью, которая удивила и его, и ее саму, говорит:

– Все-таки тебе надо сходить к врачу. Немедленно!

Слегка ошарашенный таким ее тоном, он ответил, поддаваясь:

– Хорошо! Я как-нибудь схожу!

– Не как-нибудь! А на этой неделе. Если хочешь, я сама договорюсь с нужным доктором…

Какой в действительности женой будет девушка, мужчина обычно узнает через пару лет после свадьбы, когда суженая-ряженая почувствует себя в роли этой уверенно. И прекратит притворяться, угождать мужу. Когда у нее проявятся свои собственные интересы и наконец в полную силу заговорят все женские инстинкты. Обычно это случается после рождения ребенка. Тогда женщина наконец чувствует свою власть в семье. Впрочем, «в каждой избушке свои игрушки». И с этими «игрушками» приходится иногда возиться всю совместную жизнь.

С того дня власть в доме переменилась. Первую скрипку в семье Шушункиных стала играть Галина. У нее есть цель. И она неуклонно двигается к ней. А Влад из главного стал в этом деле «пристяжным».

VIII

Сегодня в комсомоле пленум. Это когда собираются молодые карьеристы со всех концов республики. И начинают говорить разные красивые слова. Клясться в вечной верности партии. И рассказывать сказки о какой-то необычайной, проделываемой ими ежечасно и ежедневно работе с массами молодежи. Этакая виртуальная реальность, данная всем в ощущениях. Работы в природе никакой

нет. Но о ней говорят. Оценивают. И даже в это верят.

– Елки-палки лес густой! – восклицает водитель корпунктовской машины Сашка Демурин, увидев у стеклянного аквариума ЦК припаркованное на стоянке огромное механизированное стадо из черно-белых «Волг». Да все с такими специальными номерами и сериями, что ого-го!

– Чьи это? – спрашивает его сидящий рядом Дубравин.

– Вчера из Москвы аисты прилетели! Наши из гаража встречали. Комиссия. Соломенцев – секретарь ЦК КПСС. Из комсомола тоже. С утра сюда прискакали. Видно, полетят головы местных вождей…

Демурин, молодой, жилистый русский парень с твердым, будто вырубленным из дерева лицом, как и большинство водителей, быстро усвоил образ мыслей своего шефа. Поэтому, как и сам Дубравин, отзывается о начальстве не слишком почтительно.

Дубравин поднимается по лестнице к кабинету первого секретаря. Сегодня в здании ЦК комсомола все демократично. Снуют по лестницам туда-сюда молоденькие инструктора. Толпятся в курилках какие-то незнакомые люди. Но не видно хорошеньких секретарш, несущих чаи. И водителей, ожидающих боссов.

За дубовой дверью приемной первого стоит шум и гам. Идет экстренный пленум. И Дубравин, никого не спрашивая, потихоньку приоткрыв массивную дверь, проникает в просторный кабинет Серика Абдрахманова.

Странное дело, несмотря на то что всякий отбор кадров в комсомольских, советских и партийных органах давно превратился в борьбу анкет, личных дел и родственных связей, иногда наверх попадали при всем при том люди, имеющие несомненные личные достоинства. Абдрахманов относился именно к таким. Небольшого роста, живой, энергичный, молодой, но уже с легкой сединой на висках, он отличался от массы функционеров «лица не общим выражением». Его индивидуальность еще не была до конца стерта долгой и тщательной обработкой в аппарате.

Он, как и все, мечтал сделать большую карьеру. Но не надеялся только на привычные методы, а еще и работал для этого, не щадя ни себя, ни комсомольский аппарат. Конечно, работа эта уходила по большей части в песок. Форма заедала. И аппарат существовал как бы сам по себе, а молодежь жила своею жизнью.

Абдрахаманов был в Москве, когда в Алма-Ате началась заваруха. В предрассветной темноте спящей гостиницы, в постоянном представительстве Казахстана раздался звонок. Звонил всегда улыбчивый и веселый, душа-парень секретарь по идеологии Серик Дарменбаев. С несвойственной для него тревогой он коротко рассказал о случившемся.

После ряда уточняющих вопросов в трубке повисло тягостное молчание. Затем Москва отключилась.

Абдрахманов плакал. Все рухнуло для него в этот день. Не только карьера. Но и вера в то, что они делали правильное, нужное всем дело.

Теперь, когда собрался пленум, на котором неминуемо будут сделаны оргвыводы, он не стал прятать голову в песок подобно страусу. И выступил со своим видением произошедшего. И это видение, эта точка зрения разительно отличалась от той, которая на сегодняшний день господствовала среди аппаратной казахской молодежи.

– Здесь идут постоянные кулуарные разговоры о том, что русские виноваты. Это они привели ситуацию к такому финалу. А я вам отсюда, с трибуны, ответственно заявляю. Не русские, а система давила и подавляла не только Казахстан, но и всю страну. Вы говорите об аилах. Но посмотрите. Поезжайте в Россию. В Нечерноземье вымирающие деревни. Нет света. Нет воды. Нет газа. Нет дорог. Остались одни старики и старухи. Народ спивается…

Дубравин сидел в своем кресле и буквально кожей чувствовал по реакциям зала, что Серик не убедил аудиторию. И все эти молодые, сытые чиновники, которые сейчас хмыкают и перешептываются, абсолютно по-другому воспринимают ситуацию. Для них сегодня враги те, кто десятилетиями жил рядом. И он в том числе. Просто они пока помалкивают. Пока.

Вчера наконец вышла в свет его статья. Острая. Боевая. И, судя по всему, ее внимательно читали все сидящие в зале. И она большинству активно не понравилась. Да и кому понравится, если тебя тычут носом в лужу.

А уж он постарался. Разнес в пух и прах всю их работу. Конечно, кое-что добавили и на этаже. Ведь молодежка выступила первой среди всех других газет. И статья, его статья становится как бы официальной оценкой событий. Задает тон обсуждению.

И конечно, на пленуме о ней также вспомнят. Только вот как? Если примут в штыки, то трудно ему придется работать. Тяжело будет. Поэтому он и прискакал сюда, чтобы увидеть реакцию. Быть готовым ко всему.

Поднялся со своего места московский гость. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мишин. В руке экземпляр «Молодежной газеты». Сказал, как гвоздь вбил в дискуссию:

– Здесь, в этом номере, статья о событиях в Алма-Ате. Я считаю, что в ней все изложено правильно, ясно и четко. Так, как и должно быть. С партийной позиции. Читайте! Делайте выводы. Исправляйте ситуацию… Ведь на самом деле все произошедшее не случайность, не ошибка. Вы прекрасно знаете, как республику лихорадило еще целую неделю. Были всплески национализма в Джезказгане, Караганде, Павлодаре, Джамбуле, Чимкенте, Талды-Кургане. Только задержанных около десяти тысяч человек. А расходы какие? Войска самолетами перебрасывали из Сибири и Дальнего Востока… Это все результат нашей плохой работы с молодежью…

Дубравин не ликовал. Но от сердца немного отлегло. Теперь, после оценки, которую дала Москва в лице первого, местные комсюки не посмеют начать явную травлю строптивого корреспондента. Будут, конечно, ворчать. Гадить потихоньку. Но на открытое противостояние не пойдут. Побоятся.

В сущности, так оно и получилось. Все заткнулись. И когда он убегал с пленума, чтобы подготовить и передать отчет, к нему даже подошла пара русских комсомольцев с периферии. Оглядываясь, пожимали руку. И искренне добавляли:

– Спасибо! Молодец! Давно пора было об этом рассказать!

Правда, после тут же растворились в коридорах.

Но русских в ЦК с гулькин нос. Основная же серая масса старалась не замечать корреспондента. Ну а если уж это не получалось, то по-восточному льстиво улыбались. Кланялись, пожимали руку. А за спиной шушукались, бросая злобные взгляды. Оклеветал нас, понимаешь.

Уже на площадке перед зданием ЦК ЛКСМ он увидел друга Амантая Турекулова.

Подошел. Поздоровались. И Амантай, может быть единственный из всей этой толпы, честно высказался:

– Дубравин! Не ожидал я от тебя такого!

– Какого?

– Ну такого выступления. Оскорбил ты весь казахский народ.

– Ты, Амантай, за весь народ-то не запрягайся. Народ – он разный! – тоже ощетинился Александр.

– Назвал нас националистами. Разве мы националисты? Да казахский народ, может, среди всех других народов Советского Союза самый интернациональный. А ты нам ярлык приклеил. Газета разошлась по всей стране. Мне уже звонили знакомые ребята из Омского обкома комсомола. Из Москвы. Спрашивают: «Как же так, Амантай Турекулович? Вот в «Молодежной газете» написано, что декабрьские события спровоцированы националистами. Все провозглашенные лозунги являлись националистическими. В общем, взрыв «казахского национализма». На площадь вышли якобы отбросы общества. Анашисты, пьяницы, чуждые элементы. Разве это так?

Амантай вспомнил, что там, на площади, был и его верный Ербол. И замолчал.

– А что, не так?! – Дубравина тоже заел его тон. Он чувствовал себя героем. Его статья наделала столько шума. Ее только что цитировали. А тут! Чего он передергивает? Пришивает ему то, чего там не написано. Может, и есть какие-то неточности. Но не в них дело. Это пустое. – А по-твоему, они герои? Да?

Вышли с палками. И давай жечь. Грабить, убивать. Машины поджигать. А я их воспеть должен был?

– Ничего ты не понимаешь! – сверкнул глазами и мотнул челкой, как в детстве, обиженный Амантай. – Это же потом началось. Когда разгонять стали. Началась драка. Побоище! А до этого все шло мирно.

– Нечего сказать. Мирно. Кто первый начал швырять в солдат и курсантов снежки?! А потом и куски облицовки мраморной, а?!

– Что «а»? – Амантай раскраснелся. Куда девалась его вновь обретенная важность и солидность? Он стал таким же, каким был в Жемчужном. Пацаном. Подростком. – Это побочный эффект! Случайность! Мы все ущемлены решением центра. Потому и вышли. И что, я, по-твоему, тоже националист?

– Не знаю! Не знаю!

В общем, поговорили. Прояснили позиции.

Разошлись они еще не врагами. Но уже не друзьями.

Долго Дубравин в тот день еще не мог остыть от разговора. И, готовя заметку о пленуме, то и дело отвлекался от клавиатуры телетайпа, где набивал текст на ленту. И спорил, размышляя вслух:

– Тоже мне! Деятели! И чего им надо? Каких еще не хватает благ? Приобщили к цивилизации. Дали образование. И вот она, благодарность. Еще сто лет назад у них ни письменности, ни ученых не было. Ни рабочих. Все Россия им дала. И вот теперь… Русские им мешают жить. Баранов пасти мешают!

Дубравин действительно, как большинство русских, живших на окраинах великой империи, верил в цивилизаторскую миссию России. И в то, что эти патриархальные, байские замашки и заморочки абсолютно не нужны казахскому народу.

«Надо же. И Амантай туда же. Друг! С которым вместе в школе. В походах. Пили. К девчонкам бегали. Теперь смотрит на меня степным волком. Я, видишь ли, его

обидел своей статьей. А что я в ней такого написал?! Что комсюки ни хрена не работали со студентами.

Вызверился на меня… Школ казахских вообще почти не осталось. Детских садов – всего один на всю Алма-Ату. Язык их, видишь ли, исчезает с лица земли. А что это за язык? Там двести слов, обозначающих лошадиную масть. И ни одного о кибернетике.

С этим языком окажешься далеко на задворках цивилизации…

И чего он связался с этим хреном – с поэтом Мухтаром Шахаивым? И что у них такого общего нашлось?

Амантай – тот начальник. Лощеный. Важный. Вальяжный. Этот взлохмаченный какой-то. Взвинченный. И все про свой аул стихи пишет. Тоскует. Не понимаю я их. И по-своему. Гыр! Гыр! Раздражает.

Амантай с ним уходит в какую-то им одним понятную реальность. В мечтания какие-то. Начитались Чингиза Айтматова с его манкуртами, потерявшими память, анашистами. И носятся с ними, как дураки со ступой.

Вишь, чуть до драки не дошло. И горечь какая-то во рту.

Ведь это же идут объективные процессы. Отмирают малые языки. Вытесняются, растворяются малые народы. И чего жалеть-то? Скулить? Вперед надо смотреть. За прогрессом поспешать».

IX

Белые горы, полукольцом охватившие расположившийся в зеленой долине город, сегодня снова закрыты плотным серым войлоком облаков. Улицы Алма-Аты в этот ранний утренний час пустынны. Всё дремлет в ожидании пробуждения. Только изредка проедет, орошая асфальт, оранжевая поливалка. Или загремят алюминиевыми бидонами с молоком во дворе магазина грузчики.

Пешочком, пешочком, не обращая внимания на выходящие из парка пустые голубые троллейбусы, шагает вниз по проспекту, вдоль журчащего арыка Амантай Турекулов. Он взял за правило хоть изредка ходить на работу пешком. Есть время подумать, подышать свежим утренним воздухом с гор. И размяться.

«Наши любят за дастарханом посидеть. А нам надо поучиться у русских больше двигаться. Чуть что – взял рюкзачок. И вперед. В горы. С этим они нас опережают…»

Ранняя весна. Снег растаял. Сыро. Провисевшие всю зиму отмершие одинокие листья осыпаются с тополей. Один пустой сквер перетекает в другой. Наконец из-за аллеи голых черных деревьев показывается чуть выдвинутый вперед, поддерживаемый четырьмя массивными, облицованными белым мрамором колоннами серый фасад. Под ним стеклянные двери внизу.

Равнодушный сонный охранник на входе. Большой холл. Внутри белая мраморная лестница, окаймленная широкими черными деревянными перилами. Длинные ломаные паркетные коридоры. Массивные двери с надписями «Приемная». Кабинеты.

В этом здании располагается и обком комсомола, где он теперь работает. Первым секретарем. Боссом.

Старая-молодая гвардия после декабрьских событий разогнана. Освободились высокие кресла. Вот одно из них он и занял.

Место первого секретаря ЦК ЛКСМ ему пока не досталось. По настоянию москвичей привезли из Павлодара первого секретаря Сергазы Кондыбаева. Но и обком – это неплохо. Если учесть, что бывшего главного Серика Абдрахманова отправили на перековку на домостроительный комбинат. Инженером.

Так что Амантай уцелел. И даже прибавил в аппаратном весе. Видимо, зачли ему декабрь те, кто вместе с дядей постарался тогда. Сохранили ценный кадр на будущее.

Он заходит к себе в кабинет. Поудобнее устраивается в черном кресле. И берется за бумаги.

Для него рабочий день начался. Так, в утренней тишине, проходит пара часов. Наконец хлопают двери. Слышатся голоса.

На приставном столике в кабинете стоит ядовито-красный аппарат так называемой вертушки. Вдруг он беспокойно мигает, и раздается резкий звук зуммера. Турекулов, однако, читает. Не шевелится. Этот телефон, по которому напрямую общается с ним высокое начальство, вызывает у него двойственное чувство. С одной стороны, его появление льстит самолюбию, поднимает Амантая в собственных глазах. Как ни говори, а вертушка для политика – это то же, что звезда на погонах для военного. А с другой, ее звонков он где-то в глубине души побаивается. Все разговоры с начальством заканчиваются либо очередным поучением, либо новым заданием. Поэтому он поднимает модерновую, почти плоскую, только чуть надломленную посередине под тупым углом красную трубку с опаскою, словно по ней пропущен электроток.

– Приветствую! – слышит негромкий, но властный и напористый голос первого секретаря ЦК ЛКСМ. Голос человека, который привык, чтобы его слушали.

Настороженный Турекулов к легкому тону не подстраивается. Отвечает просто:

– Здравствуйте, Сергазы!

– Я просил подготовить мне данные на выдвижение на должность первого секретаря Алма-Атинского райкома нового человека.

– Собираем!

– Понятно! – протяжно послышалось в трубке.

Они перекинулись еще несколькими фразами о делах, о здоровье. О язве Кондыбаева. Однако все это время «дипломатического ритуала», как называл его про себя Турекулов, он ждал. И все-таки вопрос хлестнул неожиданно, как выстрел из-за угла:

– Ну что? Как там Абишев? Будешь выступать на собрании?

Турекулов не хочет говорить прямо. Отвечает уклончиво:

– Давайте дождемся вас из Москвы. Обсудим этот вопрос! – а сам чувствует, как под напором первого секретаря тает его решимость. Тает, как гривастая волна, пробежавшая тысячи километров по пустынным просторам океана, но не сумевшая преодолеть полметра песчаного пляжа.

Видимо, собеседник улавливает в его голосе этот сбой. Замолкает на секунду, соображая, что он может означать. Но на всякий случай добавляет:

– Надо выступать!

В таких разговорах главное не слова, а интонация. Тающая решимость Амантая мгновенно вырастает на гребне самолюбия. «В конце концов, если ты такой великий баскарма, – ядовито думает он, – то обойдешься и без моей помощи. Сам и выступай. А я остаюсь при своем мнении». И, уже ожесточившись на свою слабость, сухо отвечает:

– Я подумаю.

То ли Кондыбаев понимает, что перегнул палку, то ли считает, что достаточно нагнал волны, но он не спорит и заканчивает разговор, положив трубку.

А Турекулов еще долго держит свою на весу и с иронией, за которой даже от самого себя старается спрятать тревогу, думает: «Этот телефон похож на змея-искусителя. Однажды он засвистит, загудит. Вот тут, где решетка, откроется пасть, и тускло-влажно блеснут ядовитые зубы. Тяпнет он меня за руку».

Он поднимается из-за стола. Подходит к окну. Задумывается. Смотрит на весеннюю, поливаемую каким-то механическим, равномерным, словно идущим из машины, дождем улицу. Люди за окном иногда оборачиваются на его пристальный взгляд. И тогда из-под зонта или капюшона появляются глаза. На секунду встречаются два взгляда, два таинственных и непостижимых мира. Но человек уходит. И через мгновение его мир со всеми своими проблемами, радостями и болями уплывает по серому мокрому асфальту…

Собственно, проблема вот в чем. Надо читать доклад на съезде, который собирается по итогам декабрьских событий.

Разные на этот счет есть мнения.

И что же греха таить. Был Амантай Турекулов обычным комсюком, каких в этой молодежной организации масса. Хотел сделать карьеру. Пользовался родственными связями. Ну, в общем, как все. Если бы не одно «но»…

С той стародавней поездки с дядей на Иссык-Куль проснулся в нем необычный интерес ко всему родному. Казахскому. Как будто что-то глубоко сидевшее в его душе вдруг стало выходить на поверхность. И несомненно, это было свое, национальное. Когда-то Лев Толстой в «Войне и мире» описал этот процесс, происходивший с Наташей Ростовой, приблизительно так: откуда в этой графинечке, воспитанной эмигранткой-француженкой, проснулся этот дух? Но было это все русское, наше. Так и теперь. Откуда у казахского паренька, выросшего среди русских, воспитанного в советской школе партией и комсомолом, вдруг стала просыпаться любовь к своему степному?

А теперь, после декабря, как ему представлялось, надо было все это предать. Отказаться. Выступить на съезде. Заклеймить тех, кто вышел на площадь. Кто, в сущности, был таким же, как он. Своим.

А значит, выступить против самого себя. Снова врать. Изгаляться.

Ему этого больше не хотелось. Даже ради карьеры.

Сколько можно?! Ради нее он отказался от Альфии. Первой любви. Теперь от него требуют новую жертву.

Нет! Он больше не может! И не хочет. Он просто физически не сможет. Его задушит это стеснение в груди. Забьет кашель, если он начнет говорить то, что от него хотят. Пусть давят из ЦК. Жмут из отдела пропаганды обкома партии.

Он не пойдет на это! Он чувствует то же, что чувствует его народ. Понимает социальную и национальную справедливость так же, как и они.

«Да! Развел нас всех этот декабрь. Перепахал. И с друзьями тоже. Дубравин, шайтан его побери, не звонит. Молчит. Он теперь с первой своей публикации на стороне Москвы. Отрезанный ломоть.

Бывает же такое. Странное дело. Есть люди, которые придут в твою жизнь. Что-то сделают. И исчезнут без следа. А есть такие, с кем жизнь нас держит постоянно вместе. Сводит. Казалось, уехали мы все из Жемчужного. И могли бы рассеяться по свету. Так оно и было. Толька Казаков в Москве. Я в Алма-Ате. Дубравин в Сибири. И вдруг мы через какое-то время снова в одном месте. Почему так… Что нас связывает? И одновременно отталкивает?

Ведь Дубравин тоже не слишком любит советскую систему. А вот стоило случиться событиям, и он почему-то на ее стороне. А я всей душою против. Видно, когда дело касается национального, то тут ничего не попишешь. Каждый за своих. Это сильнее идеологии. Это в крови.

Ну как же все-таки быть с этим выступлением на съезде? Заболеть, что ли? – с тоскою думает он о спасительном выходе. – Не поможет! Не поверят! Значит, придется отказываться.

И зима в этом году какая-то не такая. Кончилась быстро. А теперь пошел дождик. Предвестник… Чего предвестник? Непонятно…»

X

«И досталась нам эта работа – из болота тащить бегемота». Анатолий Казаков поморщился как от зубной боли. И снова взялся читать дело: «Пошел… Увидел… Он мне сказал»… Все как под копирку: «Не знаю. Не помню. Не был. Не видел. Не привлекался».

«А кто же тогда был? Бил? Участвовал? Громил?»

Он поднялся со стульчика в маленькой каморке следователя в следственном изоляторе временного содержания. И прошелся туда-сюда. Два шага вперед. Два назад. Все как всегда. Стол. Стул. Стул для арестованного. Обшарпанные зеленые стены.

«Одно слово – казенный дом. Ни тепла. Ни снисхождения. СИЗО он и есть СИЗО».

«Так что он там дальше пишет, этот Ербол Утегенов?»

«Гражданин прокурор! 19 декабря 1986 года я был взят под стражу по обвинению в умышленном убийстве. Кроме того, работники милиции предъявили мне обвинение в участии в организации беспорядков, имевших место 18 декабря в г. Алма-Ате, с чем я категорически не согласен. Я могу доказать следствию свое местонахождение с 15 по 19 декабря 1986 года. Однако работники правоохранительных органов, злоупотребляя своим служебным положением, необоснованно пытаются сфабриковать факт моего участия в массовых беспорядках в качестве активного организатора…»

Казаков вздохнул. «Сколько судеб сломалось. А сколько еще сломается. Один он, что ли, Ербол? Приведут его на допрос… Что он скажет? Ведь, по легенде, меня сюда, собственно говоря, и прислали, чтобы проверить, не наломали ли соседи-силовики дров…»

Уж он-то знает, что в таких делах случается всякое. «Как с этой девчонкой Асановой Ляззат. Шестнадцать лет. Из хорошей семьи. Училась в музыкальном училище. Бросилась с крыши. Или Мухамужановой Сабирой. Тоже шестнадцать лет. Студентка Усть-Каменогорского педучилища. Выбросилась из окна после “проработки” сотрудниками КГБ».

Отшумели декабрьские события. А контора все пишет и пишет. Вся огромная государственная машина подавления, частью которой был и он сам, набирает обороты.

Ни днем ни ночью нет покоя. Как они начали с того декабрьского утра работать без выходных и проходных, так и продолжают сейчас. А как иначе? Больше двух тысяч человек было задержано только сотрудниками КГБ! Две с половиной – МВД и прокуратурой!

А разобраться надо с каждым. Чтобы понять роль каждого. И воздать по заслугам.

Людей не хватает. Нагрузка бешеная. Задача одновременно простая и сложная. Во что бы то ни стало найти организаторов выступления. Ведь никто в органах не верит в то, что студенты-казахи как-то так сами по себе вышли ранним зимним утром на площадь. Ходили слухи о каких-то людях, приезжавших в

общежития. Но найти, нащупать никого конкретно не удавалось. Были козлы отпущения. Какие-то преподаватели, аспиранты. Но это все не то. Короче говоря, «крот где-то роет у них под ногами», а вот найти, нащупать, где он выйдет на поверхность, не получается. Приходится искать зацепки. Одна из таких – этот Ербол Утегенов.

Его следователи прижали и вешают на него убийство. Формула простая. Не хочешь попасть лет на двадцать пять в тюрьму или получить вышку – колись. Рассказывай, кто тебя на площадь посылал. Мне рассказывай. Доброму следователю. Товарищу.

Лязгают замки на открываемой двери. Раздается команда контролера:

– Лицом к стене!

Пожилой седой контролер-казах в пропитанном запахом тюрьмы зеленом мундире докладывает:

– Арестованный Утегенов доставлен для допроса.

– Заводите! – Казаков вздыхает и отходит от двери.

В узком проеме появляется широкоплечая фигура и усатая плосколицая физиономия Утегенова с подбитым глазом и красной полосой – царапиной на щеке.

Ербол останавливается в нерешительности у стены. Ждет команды.

– Садитесь, Утегенов, – не давая времени на раздумья, говорит Анатолий. И сразу быка за рога. Пока не успокоился. Не осмотрелся: – Прочитал я ваше заявление по поводу перегибов. Что могу сказать? Я-то верю, что это не вы убивали инженера Савицкого. Но вы прекрасно понимаете – кто-то должен ответить за это, – помолчал, чтобы дошло. – Вы не хотите сотрудничать с нами? Почему мы тогда должны вас выручать? Мы давали время вам подумать. Не отправляли дело в вышестоящие инстанции. Не сдавали в суд. Ждали. Долго ждали, пока вы поймете свое незавидное положение. Вы понимать не хотите. Так что у нас с вами сегодня последний разговор. В принципе он может

закончиться по-разному. Либо вы пойдете в суд и получите в лучшем случае срок. А в худшем сами знаете. Либо согласитесь нам рассказать все, как было. И тогда выйдете отсюда… Свободным.

В тесной каморке повисло тягостное молчание.

Минута. Две.

Наконец обвиняемый прервал его самым банальным образом:

– Дайте закурить!

Опустив голову низко над столом, Ербол ковыряет пальцем обшивку. Размышляет о ситуации. Впрочем, обдумывает он свое положение уже давно. С того момента, когда его свалили ударом резиновой дубинки на холодный асфальт, а потом, заковав в наручники, отвезли в отделение милиции. Неделю держали там. Неизвестно зачем. А потом… Потом стали шить дело об убийстве. Крутили, вертели. Подбирали свидетелей. Следователь Нурманбетов смеялся над ним и говорил: «Я из любого говна конфетку сделаю». И слепил. Сшил. Сделал.

Откуда знать Ерболу, простому парню, что это просто шантаж. С целью оказать давление. И получить показания на его бывшего начальника и друга Амантая Турекулова. А через того ниточка потянется дальше. Выше.

А настоящего убийцу или убийц уже давно нашли.

Курит Ербол свою сигарету. И думает нелегкую думушку: «А может, и прав следователь? Он тут сидит. Мыкается по камерам. А они, те, кто тогда подстрекал, теперь новые посты получили. Сладко спят. Хорошо кушают бешпармак.

Может, действительно рассказать, как ездили. О чем говорили. И опять же семья. Как ей помочь? Жена приходила. На свиданку. Живут все там же. В холодном полуподвале. Дочка болеет. Теща пилит. Требует, чтобы уезжали из Алма-Аты.

А этот молодой гэбист… Может, он правду говорит. Отпустят его тогда». Ербол даже задохнулся, когда представил, как он пойдет по улице. Свободный, как птица на взлете. И лицо у этого парня знакомое. Хорошее лицо. Местное. Наверное, не обманет. А надо что-то решать. Сегодня последний разговор. Да и в камере ребята советуют: “Сдай ты их, бабаев. Чего тебе за чужие грехи отдуваться?”».

Наконец после долгого тягостного молчания он, сжимая желваки, медленно, глядя в стол, произносит:

– Только я бы хотел, чтобы никто об этом не узнал…

– Конечно! Какой может быть вопрос! Все оформим так, что комар носа не подточит, – ответил с облегчением Анатолий. И про себя подумал: «Ишь, поговорками заговорил. Ну все, кажется, процесс пошел».

Он знал, что будет дальше. Хоть и недавно работал в органах, а уже кое-что повидал. Сколько их, обиженных на шефов водителей, недотраханных секретарш, всякого рода обслуги и прислуги, стучат на своих благодетелей. Да почти все. Вот и этот теперь расскажет все, что знает. А потом подпишет бумагу о неразглашении. Возьмет псевдоним какой-нибудь высокопарный. Ну что-нибудь типа «Аристан» – по-русски «лев». И перейдет в разряд «источников», а на профессиональном кагэбэшном жаргоне – «дятлов». И будет регулярно стучать. И даже оправдывать себя какой-нибудь обидой на своего бывшего шефа и друга. Ну, что-нибудь типа: «Обещал сделать малосемейное общежитие для жены с ребенком. А не сделал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lapin_aleksandr/blagie-pozhelaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить